

Лада ОДИНЦОВА

РОДСТВО ДУХОВНОЕ

(Фрагменты мемуарно-литературоведческих записок)

Читая Евангелие, споткнулась я на той мысли Иисуса Христа, в которой Богочеловек провозгласил тезис о том, что домочадцы могут являться врагами, и о том, что Христос признаёт только лишь родство по духу, а не кровное. Было мне 20 лет, когда в общежитии Литературного института, крадучись, я впервые тайно читала запрещённую для граждан СССР книгу об Иисусе Христе. Я пережила такое потрясение от судьбы Иисуса, что нуждалась в обсуждении Христовой истории, но побеседовать на религиозную тему было практически не с кем. Книгу дала мне аспирантка Галина Егоренкова, защищавшая диссертацию о творчестве Достоевского, а ей подарил это зарубежное издание профессор Кирпотин. Никому, кроме меня, аспирантка не дерзала доверить чтение Священной книги потому, что с её стороны это была религиозная агитация и пропаганда – уголовно наказуемое преступление.

В столовой на улице Шота Руставели, однако, я наткнулась на своего сверстника, поэта из города Ростова Ярославского, парня долговязого, доброго, с таким густым колокольным басом, что было впору ему петь, а он в поэты подался. До стипендии оставалось нам ещё дней эдак десять, и это было мучительное голодное время, поскольку нашей нищей стипендии никогда не хватало больше чем на две недели. Гаврилов сидел у окна перед тарелкой с четвертинкой хлеба и тремя стаканами купленного здесь компота. Саша отщипывал хлебные кусочки и как-то неохотно, со скукой в лице клал в рот, запивая компотом. Вокруг раздавались ароматы супов и котлет, но до этого блаженства было нам ещё очень долго. Я купила себе пару стаканов компота и пару кусочков хлеба, подседа к одиноко сидевшему у окна Александру Гаврилову – он обрадовался и поинтересовался своим басовитым голосом:

– Ну что, курсовую работу написала?

– Нет, – покачала я головой. Меня так и распирало поделиться впечатлениями от Евангелия, но Галина взяла с меня честное слово о том, что я буду молчать о её уголовно наказуемом поступке, и я едва сдерживалась:

– Успею! А ты написал?

– Нет, – ответил собеседник. – Тут пришёл ко мне в комнату Сашка Сизов со стихами Василия Фёдорова и как начал обчитывать! Одно четверостишие прямо-таки врезалось в память, отвязаться не могу:

*Милый друг, хочу сказать,
Чтобы знал ты наперёд:
Надо
радость
нам искать!
А печаль – сама найдёт.*

Сильно сказано! Как ты думаешь, Ландыш?

Рубцов, Сизов и Гаврилов накануне вечером пировали вместе и проспали утром на лекцию в институт. Скинувшись по рублю, они решили ехать на такси и на всякий случай послали Рубцова узнать: успела ли я уехать на троллейбусе или нет? Но я полночи изучала древнюю индийскую философию и спросонья тарасилась на Рубцова, пробудившего меня, мол, чего тебе нужно? Наконец сообразила, какое студенческое счастье выпало мне (такси!). Я через несколько минут уже скакала по широким лестницам общежития вниз. Машина поджидала меня. Трое приятелей сидели вместе сзади, а я воссела возле шофёра, который, к сожалению, не торопился и законопослушно двигался со скоростью 60 километров в час. А тут ещё не успели проскочить светофор и застряли. Пока горел красный свет, Рубцов поинтересовался, чем я допоздна так увлеклась.

– Поиском смысла жизни, – ответила я.

Этот шекспировский вопрос («Быть или не быть?») терзал меня весь период моего студенчества, являлся настолько фатальным для меня, что едва не оборвал моего существования; я сильно страдала от нерешённости этой проблемы и донимала своим терзанием всех вокруг, но ничей ответ не удовлетворял моей души.

– Ну и как, наша? – протянул руку Рубцов и взъерошил мою голову (я сидела без шапки в то довольно прохладное апрельское утро – фасонила, гордясь своей элегантной шубкой из белого каракуля-мериноса). Рубцов частенько портил мне причёску, принимая меня за маленькую, поскольку знал меня с моих 17 лет, но теперь мне было уже 19, я фыркнула и ответила:

– Индусы считают, что смысл жизни, а также счастье заключается в дружбе с Богом. Но я не знаю, как можно подружиться с Ним. Да и каков Он из себя – тоже не знаю. И никто не знает.

Рубцов захохотал, это означало, что он доволен мною. Тут и мне пришло на ум смешное:

– Индусы называют людей, которые отказываются искать смысл жизни и Бога, ишаками – это самая тупая людская категория, земляная. Но есть ещё одна категория вульгарных материалистов – это те, которые нашли смысл жизни в удовольствиях, тоже низшие – землеройки. Над ишаками и землеройками рас-

полагаются на иерархической лестнице атеисты, рьяные безбожники, эти искали, но не нашли.

– Как же все вы трое будете сдавать экзамен по научному атеизму? – язвительно ухмыльнулся Рубцов.

– А ты сам как сдал, Николай? – полюбопытствовал сообразительный Сизов.

– А я стихи преподавателю стал читать вместо ответа, – пробормотал Рубцов, – стихи про наших набожных старушек деревенских, берегущих русскую веру, про то, как «жаль мне, как жаль мне разрушенных русских церквей – уж что бы вы там ни ставили мне в зачётку, товарищ преподаватель, но жаль, очень жаль, и всё тут!»

– И какую оценку он поставил? – спросил Гаврилов.

– Удовлетворительную, – буркнул Рубцов, – удовлетворился, сукин сын, тем что я вообще пришёл сдавать такую гадость!.. Мог бы и не явиться, пусть бы ждал.

Зажёгся зелёный свет, такси тронулось с места.

– Мой зять, – вклинился в нашу товарищескую беседу пожилой таксист, – специально покупал туристическую путёвку в Болгарию ради консультации у ясновидицы Ванги. Слышали про такую?

Но никто из нас ничего не слышал о Ванге, и все молчали.

– Так вот, – притормозил таксист, пропуская вперёд машину скорой помощи, – мой зять работает заводским инженером, а детей у него с дочерью не было... Купил путёвку и съездил к Ванге – вся Болгария говорит по-русски, понимает нас... Ванга назначила лечение для зятя, и теперь дочка уже на сносях, ждём пополнения... Так вот, – опять притормозил таксист, пропуская вперёд чёрную «Волгу» с хитрым номером, – болгарская прорицательница Ванга заявила, что к двухтысячному году СССР изменит свои географические контуры, что у нас разрешат верить в Бога и ходить в церковь, начнётся какой-то кризис, который будет полезен: Сибирь сделается культурно-духовным центром России, возродятся также исторические русские города в нашей провинции, и возникнет какое-то видоизменённое общероссийское учение. Что уж за учение такое будет – никто не понял, но догадались, что появится новое философское учение религиозного типа.

– Зачем нам новая религия? – вскипел Рубцов. – У России есть православная религия – отцовская, другой никакой не надо! Один ихний марксизм-ленинизм каков! «Учение Ленина правильное, потому что верное» – так ведь талдычат с утра до ночи все кому не лень?!

– Кончай, Коля, бузить, – дёрнул Рубцова за рукав Гаврилов и спросил: – Товарищ таксист, растолкуйте, пожалуйста, что значат слова Ванги о возрождении исторических русских городов в нашей провинции? Я вот сам родом из Ростова Ярославского.

– А то и значат, – остановился на светофоре пожилой таксист, – что Россия достигнет такого духовно-культурного и экономического уровня развития, что периферия опять станет хозяйкой положения, как встарь.

– Неужели же и Ростов Великий возродится когда-нибудь? – мечтательно задал риторический вопрос ростовчанин Александр Гаврилов, но ему никто не ответил, потому что никто не верил Ванге.

Постовой регулировщик перекрыл движение – ехала вереница правительственных бронированных автомобилей «Чайка», сопровождаемая милицейскими и мотоциклетным эскортом. Приходилось пережидать.

Пожилый таксист продолжил:

– Я на фронте воевал, ребятушки, и убедился, что чудеса на свете случаются, можно умереть молодым и цветущим, например, ни с того ни с сего во сне. А можно выжить под пулями, под шквальным огнём. Вот и делайте вывод сами: есть Бог или нету... Во всяком случае Высшая Сила какая-то есть... Так вот, этой Высшей Силе элементарно просто превратить незначительный пока городишко Ростов опять в великий город – например, в культурно-духовный центр. Наша сватья ездила туда к какому-то попу насчёт бесплодия её сына и нашей дочери молиться, я же и возил, видел Ростов. Не дороги у вас там, а сплошь ямы да колдобины, туалетов на улицах нет, лавки для отдыха раскурочены, столовок маловато, да и духотища в тех столовках!.. Свекровка у попа Арсения Богу молится, чтобы Бог внуков нам послал, а я решил по городу прошвырнуться в ожидании. Зашёл в продовольственный магазин купить плавленный сырок к пиву (мы должны были уехать только завтра утром), как вдруг продавщица заверещала, словно её режут, да на прилавок запрыгнула и уселась своей толстой задницей. Оказывается, продавщицу напугала мышь! Дурище лет под пятьдесят, а мыши испугалась – оглушила своим визгом. Ну, взял я сырок, откупорил пиво, пристроился у забора: небо в тучах, ветер с дождём, а синоптики обещали бабье лето – ни фиги! Подходит ко мне другой любитель пива – в руках вобла и спрашивает: «Да какое же это бабье лето?». Я отвечаю: «Каковы бабы – таково и лето!» Да и мусорно в вашем Ростове, некогда Великом, колёсные шины в канавах валяются, рванный целлофан на тротуарах, газетные комья, окурки... Одним словом, при желании можно превратить город Ростов в красивый туристический центр – у вас там даже Кремль свой есть! Но ведь туристам требуется сразу многое: и комфортные гостиницы да подешевле, и культурный досуг. А кто у нас о досуге думает? На семь бед один ответ – выпивка! Вот и весь досуг.

– Так вы, товарищ шофёр, наверное, видели знаменитого старца Арсения? – заинтересовался Рубцов.

– Ну видел, да толку-то? Бубнит про Бога, не умолкая, а я заскучал и вышел прошвырнуться. Небо в тучах,

ветер с дождём, а я без зонта. Воротник поднял, фуражку нахлобучил – иду по тротуару. Смотрю: девушка выходит из овощного магазина с авоськой, полной картошки. В другой руке чёрный зонт. А рядом её хахаль сигаретку покуривает, под зонтик к той труженице подлаживается. Фу ты!.. Наблюдаю за парочкой: огромная лужища на их пути. Хахаль выплюнул сигарету, подхватил девушку и попёрся напрямиком по лужам с девушкой на руках. А она растопырилась: в одной руке авоська с картофелем, другой обнимает хахалю и зонт держит... Так что не всё отнюдь дурно у вас в Ростове, ещё он вполне может примарафетиться и стать великим историко-культурным центром. Было бы желание у народа!

– А что наш народ решает в своей судьбе? – пожал плечами Рубцов. – Желание, может, есть, да возможности исправить нету...

– Ну, если верить Ванге, то к двухтысячному году все переменится и как-то исправится, – ответил таксист.

– Нам Хрущёв обещал, – возразил Николай водителю, – построить коммунизм к восьмидесятому году, всех жильём обеспечить. Каких-то одиннадцать лет осталось до указанного срока, а никаких перемен не видится. Вышло так у меня минувшим летом, что совсем ночевать негде было. Ну пошёл я в лес, смастерил шалашик себе, крышу только накрыл (от дождя – на всякий случай), хворосту насобирал, колья вбил над кострищем, перекладину соорудил да котелок повесил – кашу себе варю. Вот где дом мой был – в лесу! Полмесяца там обитал, потом старушонка одна впустила меня пожить да помогать ей по хозяйству... А не тот ли это Арсений, которого святым называют люди? Старушка что-то рассказывала...

– Он единственный такой в Ростове, – ответил таксист, – за веру в Бога всю молодость в лагере провёл. Свекровка говорила, что с Арсением удивительный случай в лагере произошёл. Когда поп этот читал однажды Священное Писание в бараке, вдруг начался внезапный обыск, а ведь церковная книга – это криминал! За это наказывают карцером да и книгу отбирают. Солдаты вынимали даже качающиеся половицы, вещмешки трясли, боковую обшивку барачных стен дёргали – не спрятано ли там что-либо запретное, какая-нибудь крамола? А у Арсения Священное Писание под курткой – сейчас лейтенант прикажет ощупать, и найдут... Только надзиратель уважал попа за порядочность (Арсений однажды подобрал партбилет надзирателя, выпавший из брючного кармана, когда тот доставал носовой платок) и тайно вернул. А ведь уркаган никогда не вернул бы! Или не вернул бы задаром. Поп вернул. И надзиратель отплатил благодарностью – нащупал спрятанную книгу под курткой и доложил лейтенанту: «Нет ничего!».

– Как хорошо, что сохраняется в людях совесть, – обрадовался за попа Рубцов.

– Приехали! – затормозил таксист на Тверском бульваре, у дома № 25.

Мы расплатились, вышли и разбрелись по своим аудиториям: Рубцов подался в деканат, а мы с Гавриловым и Сизовым прошмыгнули в лекционный зал. Гаврилов с высот своего старшинства (незначительного, надо сказать) как старший брат дал мне прозвище, которое отнюдь не вызывало моего расположения: Ландыш. Ну, не люблю телячьих нежностей! И розовый цвет не люблю. Это прозвище Ландыш как-то не совсем подходило ко мне юной: задиристой воображуле, фантазёрке и забияке. Но Александр Гаврилов умел видеть за молодёжным флёром довольно хрупкую сущность моей натуры – видеть ландыш, одним словом. Я морщилась. Мне гораздо больше хотелось бы походить на Жанну д'Арк, чем на ландыш. «Ну, да поэту простительно заблуждаться», – решила я тогда и спросила:

– Сам-то написал ли что-нибудь новое, Саша?

– Пытался и отложил, – пробасил Гаврилов. – Я рассматривал фотографию Василия Фёдорова, перечитывал его поэму «Проданная Венера» и думал добраться до Фёдоровской прозы: мне нравится в Василии Фёдорове то, что он знает жизнь, не прихорашивает её. И пишет правду так, как видит её. Александр Сизов говорит, будто родственник Василия Фёдорова занимал высокий пост на уральской железной дороге, а там что-то случилось, вызвали родственника в Кремль к самому Лазарю Кагановичу и учинили расправу: виноват не виноват, а ответчик у нас должен быть! Короче говоря, расстреляли молодого человека – чуть за тридцать лет ему только перевалило. В общем, мы с Сизовым душевно откликнулись на эту боль... Александр Сизов, между прочим, заметил, что мы с Василием Фёдоровым внешне похожи. Ты когда-нибудь видела его фотографию?

– Нет, – ответила я, – но в Центральном доме литераторов видела как-то мельком его самого.

– Ну и как, похожи мы с ним?

– Что-то есть, наверное, – молвила я нерешительно.

Я молча жевала свой хлеб, запивала его компотом, недоумевала, чем особенным заинтересовал советско-партийный рупор, которым считался Василий Фёдоров, Сашу Гаврилова? Тем более, что ходили слухи, будто поэт Фёдоров происходил из цыган в каком-то далёком родстве. Во всяком случае был он броне-том, а Саша – шатеном. Зачем Гаврилову непременно хотелось походить на цыгана? Но тогда я ещё не знала, что судьба сведёт меня достаточно близко с семейством знаменитого партийного поэта, что никакой он не цыган, а самый что ни есть русский человек с цыганскими, однако, замашками: любил Василий Фёдоров покуражиться-покутить. Да ведь кто из нас, грешных, не любит?.. Но тогда я не догадывалась ещё о том, что всё-таки есть особенное нечто в Сашином интересе к Василию Фёдорову – это родовая трагедия.

<...>

Мой муж, работавший в советскую эру скульптором, вспоминал, как известный советский поэт Василий Фёдоров с поэтессой и женой своею Ларисой пригласили нас накануне нашей свадьбы (25 лет назад) за ресторанный столик в ЦДЛ для более близкого знакомства. Василий Фёдоров пил коньяк, а мы трое пили шампанское, кушали мороженое. Рассматривая фотоальбом скульптурных монументов, созданных моим мужем, семья Фёдоровых заострила внимание на образах Ленина, Сталина, Дзержинского, советских героев Второй мировой войны, изваянных моим мужем по распоряжению коммунистических властных структур. Семья Фёдоровых заговорила об исторической миссии Сталина в деле превращения СССР в сверхдержаву. По прошествии зарубежного десятилетия, после которого мы вернулись из Европы в постсоветское российское государство, существующее ныне в условиях феодального строя, но отнюдь не дикого капитализма, как принято врать по телевизору, мы с мужем ощутили ностальгию по тем выдающимся благородным личностям, которые вымерли, подобно динозаврам, – безвозвратно и которые существовали в СССР.

Сталин однажды изрёк: «Незаменимых людей нет». И это оказалось ложью, типичной неправдой того времени. Сегодня мы живём в духовном вакууме, поскольку нечем заменить Вячеслава Клыкова, Владимира Солоухина, Ларису и Василия Фёдоровых, Николая Старшинова, Валентина Сидорова, не говоря уж о гениях. Это и был круг наших друзей, без которых опустела Земля Русская.

<...>

К нам подошли Лариса и Василий Фёдоровы, которые тоже собирались посмотреть модный фильм.

– О чём вы тут переживаете, дети? – ухмыльнулась Лариса и обняла меня, затем пожала руку Саше, который очень нравился даме своим застенчивым мальчишеством.

– О ЛЕФе! – откликнулся Гаврилов со свойственной ему энергичностью. – Да и не спорим вовсе, а мирно беседуем о том, что программа ЛЕФа содержала требование документальной правдоподобности от всех видов литературы и искусств, о Маяковском...

– Маяковский зародил публицистический жанр в поэзии, – буркнул Василий Дмитриевич, – а Твардовский унаследовал, вслед за ним и Евтушенко. Прямо сказать, не люблю рифмованную публицистику. Есть же у Маяковского поистине шедевры крупного масштаба, общепланетарного звучания – эпические шедевры!

– Есть, – согласился Александр, – с Маяковского началась у нас идеологическая поэзия и литература идеологическая. Это величайшая заслуга Маяковского – он вывел поэзию своим принципом идеологичности на общечеловеческие рубежи из тесного мирка

обывательских дум. Из алькова! Превратил поэзию в руководство к жизни.

– Я вот иной раз думаю, – встряла писательница Фёдорова, – а что такое идеологичность в художественной литературе? Это, проще говоря, есть сверхидея творчества – то, что режиссёр Станиславский называл сверхзадачей, это преодоление замкнутого круга личных интересов и выход на общечеловеческий простор, – кивнула Лариса Фёдорова в знак одобрения Гаврилову, – правильно, Саша, ты говоришь.

– Василий Дмитрич, – обратился Гаврилов к советскому классику, – по Москве гуляют самиздатовские книжонки, ну и попалась мне такая самодельная брошюрка некоей английской теософки Алисы Бейли, которая вслед за Блаватской пишет о Великой Иерархии Света, проще говоря, о тибетских кукловодах, то есть о высшей цивилизации, которая выращивает людей на нашей планете в целях духовного совершенствования и дёргает нас, как кукол, за ниточки. Насколько я понял, теософка Алиса Бейли пишет о предстоящей России грандиозной всечеловеческой миссии, но не ясно, какой? Что вы думаете о нашей миссии?

– Мы победили Гитлера, – опередила мужа с ответом писательница Фёдорова, – так вот и выходит, что Россия выполняет всечеловеческую миссию. Как и Наполеона победили в своё время. Никто, кроме великороссов, не сумел дать им отпор.

– Россия принесла европейцам социализм, – раздумчиво молвил классик и поправил свою пышную шевелюру, пленявшую женщин, – в этом тоже заключается миссия.

– Вряд ли наше навязывание социализма является миссией, – осторожно вклинулась я в беседу, – поскольку и Прибалтика, и Украина, и Венгрия, и Чехия многократно выражали революционное неудовольствие от навязанного им насильно социализма – даже восставали, а советские танки давили тех, кого мы осчастливили русским социализмом. Нет, пожалуй, социализм нельзя причислить к русскому миссионерству.

– Ну, если нельзя к миссионерству причислить социализм, – раздумывал застигнутый врасплох официальный классик советской литературы, любящий докапываться до истины, – то по крайней мере вполне можно причислить к русскому миссионерству создание нового общечеловеческого мировоззрения – всепланетарного. А по мне – социализм очень даже хорош!.. При капитализме кем бы я был с моей родословной?.. Касательно же западноевропейцев, так я заметил, что мы просто не понимаем друг друга. На самом деле великороссы – наиболее одухотворённый народ в Европе; ещё Геродот называл нас могучими гиперборейями и возлагал историческую надежду на нас. Слышал я от физиков, что лет через двадцать (то есть в начале двадцать первого столетия) якобы

изменит своё привычное положение земная ось – и наша планета наклонится так, что повсюду изменится климат. В нашей московской Гиперборее будто бы вишни да абрикосы начнут вызревать, потому что лютые снежные зимы сменятся тёплыми и дождливыми. А мокрое прохладное лето сменится засушливым и знойным. Насчёт твоей «лисы Алисы» не знаю, а пророчеству болгарской ясновидицы Ванги верю. Она утверждала, что Великая Иерархия Света действительно существует, что теософы Рерихи с Блаватской действительно осуществляли какой-то религиозный синтез, именуемый ею Огненной Библией. Так говорил мне Валентин Митрофанович Сидоров, – и вальжный советский классик обратился ко мне, зная мою с Сидоровым особую дружбу, основанную на единомыслии. – Ванга встречалась с Сидоровым, и он рассказывал об этой встрече. Сидоров передал мне пророчество Ванги о том, что к началу двадцать первого столетия Советский Союз делается Русью, затем пройдёт огненное крещение и, как орёл, воспарит над всем земным человечеством. Первенство великороссов будет признано всем миром, только признание случится уже в середине двадцать первого столетия, следовательно, чуть позже.

– После огненного крещения, – задумалась Лариса Фёдорова, – как грустно! Вероятно, это будет война, дети, на вашу долю!

– Сидоров передавал мне слова болгарской пророчицы Ванги о том, что Индия, Китай и Русь к середине двадцать первого столетия объединятся. Правда это или нет – мы не узнаем: не доживём. А ваше поколение, послефронтовое, пожалуй... Тут замочек у нас на почтовом ящике сломался, – застегнул пиджачные пуговицы партийный классик, – вынул я его и пошёл в гараж к приятелю подправить. У приятеля в гараже как раз верстак стоит, ну и я в два счёта замок наладил. С приятелем давно не виделись, а на дворе зима... Решили согреться коньячком прямо тут, у верстака. Закошел он и начал мне лапшу на уши вешать: мол, нашу планету посещают инопланетяне, летающими тарелками, мол, забросали пришельцы планету Земля. Всякую такую всячину городит, как пацан про сиськи: пацан сисек бабьих-то ещё никогда не видел, но всем врёт, что видел и будто даже лапал... Так и насчёт инопланетян с летающих тарелок: якобы видел то и другое, да якобы и лапал. Ну я ему и отвечаю, мол, ещё про снежного человека наври что-нибудь! Так что, друзья мои, болтовня досужая – одно, житейская правда – другое... Наука внесёт ясность в эти вопросы, тогда и разберёмся. Я ведь – из Кузбасса, жил в шахтёрской среде, это значит, люблю правду-матку, а трёп да брех не люблю.

Партийный классик глянул на меня, ища одобрения, он знал, что, вернувшись с фронта, мой отец работал начальником участка на всесоюзно знаменитой

шахте Донбасса, что за ударный труд сам Хрущёв, приехавший на шахту после войны, благодарил отца и распорядился предоставить отцу дефицитную вещь, которая отсутствовала в продаже, возделенное пианино для его маленькой дочери, для меня. Было мне тогда пять лет.

Прозвенел звонок, толпы хлынули в кинозал. Мы тоже намеревались устремиться на модный фильм, как вдруг парочка студентов окликнула Василия Фёдорова, точнее, это были студент со студенткой из музыкального училища. Оказывается, они опоздали на встречу, назначенную им Фёдоровым. Но, заметив, как студенты лопочут про московский час пик в метрополитене, где людская лавина зажала их с аккордеоном (парня) и со скрипкой (девушку), Лариса Фёдоровна пожалела бедолаг и предложила Василию Дмитриевичу отказаться от кинопросмотра да послушать песни на его слова. При мысли о предстоящем студенческом концерте советский классик заулыбался, пригласил концертантов спуститься в Шахматный холл и продемонстрировать свои творческие успехи. Мы уселись в плюшевые кресла, а студенческий дуэт начал исполнять песни на слова Василия и Ларисы, музыку сочинила девушка-скрипачка. Давно так не радовалась я душевным песням. Супруги Фёдоровы намеревались записать исполнителей на магнитофон и отдать запись на радио, но более о том ничего мне уже неизвестно. Нельзя было представить себе тогда (в моей молодости) того, как быстротечно и как беспощадно время! Нельзя было даже допустить мысли о скорой и неотвратимой смерти Василия Дмитриевича, который в тот описываемый момент так по-детски счастливо улыбался, не замечая, что коварная смерть совсем рядом.

Когда Василия Фёдорова не стало, Лариса Фёдорова долго приходила в себя от шока. Затем ее жизнь отчасти изменилась: у нее почти совсем не осталось времени на развлечения, Лариса Фёдоровна торопилась завершить рукописи, но прежде всего, месяцами не разгибалась над записками и несистематизированными произведениями мужа. Партийный поэт, любимый поэт члена Политбюро Лукьянова, Василий Фёдоров составляет целую эпоху в истории поэзии соцреализма. А в истории литературы соцреализма было всё, что было в самой действительности. Я никогда не являлась поклонницей данного творческого метода, но вряд ли правильно будет перечеркнуть и те достижения, которые вольно или невольно относим мы на его счёт. Лариса Фёдорова всегда поражала меня своей работоспособностью, своим жизнерадостным пчелиным трудолюбием. Но я стеснялась её. А был ли кто-нибудь у меня, кроме Ларисы Фёдоровны, при чём имени моё сердце трепетало? Я стеснялась её дружеского участия в моей судьбе и надолго пропадала, посылая из своего филёвского забвения, где я пряталась, отключая телефон от всего мира, ми-

лой Ларисе Фёдоровне какую-либо нежную мысль с пожеланием здоровья... Не знаю, как она умудрялась избегать подавления моей свободы, но ответное отношение Ларисы Фёдоровны никогда не отягощало меня. Изредка она требовала, чтобы я простила мою мать, с которой была знакома. При этом Лариса Фёдоровна очень старалась сгладить материнскую чёрствость ко мне – например, выхлопотала однажды люкс в Доме творчества Комарово для моей матери, люкс, полагавшийся для литфондовской элиты.

У Ларисы Фёдоровны почти не оставалось времени на досуг. Но иногда она делала исключения, потому что приход гостей в дом напоминал привычный их совместный бурный образ жизни, и в такое исключение попадала я, заносясь по своему обыкновению в гости довольно внезапно и непредсказуемо.

Накануне октябрьских праздников 1988 года принесла я Ларисе Фёдоровне пёстрые астры. У неё в тот день сидела в гостях Тамара Пономарёва. Они читали друг дружке стихи. Речь зашла о доносительстве в советском безбожном обществе, о стукачах, об Иудином грехе предательства ближнего – доверяющего тебе человека. Я буквально кипела этой темой и восклицала: «Неужели человек должен бояться человека?!» Однажды во время студенческих каникул летом 1969 года в поисках ответа на этот вопрос я уехала сибирским поездом в Братск, оттуда попала в Усть-Илимск. Но я вернулась без ответа.

<...>

Лариса Фёдоровна после смерти мужа заметно изменилась. Если центром её внимания прежде был Василий Дмитриевич, то теперь она сосредоточилась на абстрактной идее – на идее искусства, литературы, прежде бывшей второй после Василия Дмитриевича. Сперва для неё был Он: «Ты – это всё, что имею!». И так она провозглашала это:

*Что мне делать, скажи?
Что мне делать, скажи?
Я тобою взята, как река берегами,
И на горле хрустальный колышется камень,
Ты его отвяжи.
Ну, а если не снимешь, и так проживу,
Даже с мёртвой не трогать его прикажу.*

При жизни поэта Василия Фёдорова она была всегдашним чадзэла, писательского клуба, после смерти мужа сделалась домоседкой, реже выходила, постоянно стуча на пишущей машинке. Убеждённая в необычайной силе и талантливости произведений Василия Фёдорова, вдова денно и нощно систематизировала его рукописи, готовя их к изданию, и сейчас передо мной восседала за столом измученная непомерной работой пожилая женщина. После моего приезда с Украины всякий раз бросалась в глаза разница, изумлявшая меня в первые десять лет, разница между

украинками и русскими женщинами. Несчастливым россиянкам было свойственно такое рабское, такое королевское терпенье, что когда бы не оно, то и не существовали бы их семьи. Никогда не сочинила бы таких стихов украинская поэтесса. Для русской женщины типично полное самоотречение до самоуничтожения в супружеской жизни, но совершенно нетипично и несносно для украинки.

*Начинается день, начинаешься ты,
Всё твоим озарением дышит...*

<...>

Прежде советская творческая интеллигенция участвовала в регулировании социальных процессов, поэзия чутко реагировала на тревожные общественные сигналы. Так, например, Василий Фёдоров написал однажды:

*Есть слова – они роковые,
Когда люди их говорят,
В них на сроки все вековые
Отлагается жизненный яд.
Смысл их древний бывает жуток,
Злая магия входит в дых.
С ними, с тёмными, не до шуток.
Кто ж мне бросил одно из них?*

Психиатры обнаружили бы в явлении, описанном поэтом, явление суггестии, то есть переданное внушение. Общероссийская катастрофа требует, чтобы эта художественная суггестия, то есть внушение, была бы доброй, жизнеутверждающей, гуманной, – оздоровительной. Интеллигент первого поколения Василий Фёдоров чутко отзывался на любые общественные переживания и ставил целью своего творчества оказание моральной помощи своему читателю. Я держу в руках чёрно-белую фотографию с двойным портретом: Лариса и Василий Фёдоровы. Под берёзой в обнимку. Вроде бы принято говорить наоборот: Василий Фёдоров и затем уже Лариса Фёдорова. Но позвольте мне выразиться не по рангу, а по этикету: сначала назвать женщину, потом – мужчину.

Она в белом платье, васильковые кудри, – так сама Лариса Фёдорова выпишет свой портрет в книгу «Танец стрижей» (М.: Совпис, 1985):

*Кто-то сумрачно заладил:
В белом платье вы не та!
Я срываю платье – нате:
Я сияньем облита!
Дайте ножницы – обрежу
Свои кудри васильковые...*

На моём двойном портрете, созданном воображением, они сидят вдвоём под берёзой. Под той самой берёзой, что воспета Василием Фёдоровым, под бе-

рёзой, на которой растут райские яблоки. Весной его берёза наряжается в серёжки, летом красуется прина-родно, осенью осыпает золотым кружевом своей ли-сты, зимой унижается инеем, словно белыми ага-тами.

Вот Лариса голову повернула, трогает за руку Ва-силая:

– Слышишь кукушку?

– Слышу, Лара, слышу, – волнуется он и торопится сосчитать, сколько прокукует.

*Бог любви,
Я снова в сердце ранен... –*

вырвется из его души.

*Ты единственен, как жизнь,
Ибо ты – это все, что имею... –*

ответит ему Лариса уже после его смерти.

Но, впрочем, о чём я? Любовь бессмертна!

Василий Фёдоров шуточно называл Ларису «Ваше Лиричество». История их творческой дружбы и любви уникальна... Их молодость проходила перед глазами современников, словно перед зрителями. Они будто бы постоянно жили на сцене, содержанием их жизней было самопознание через творчество и любовь.

Каким архаизмом для современного молодого чи-тателя отдают подобные взаимоотношения! Невоз-вратно миновало время, в котором главной ценностью была человеческая жизнь, душевная, личная. Теперь живут иначе: не позволяя слишком вдумываться в своё существование. В тревоге о завтрашнем дне мы торо-пимся жить сегодня.

Но старшее поколение иное. Я бы сказала, что они больше люди, чем мы. Они сохраняли ещё в своих ду-шах христианские ценности: умели больше радовать-ся, больше мечтать, больше жертвовать друг для друга.

*...для твоих усад
и твоей любви
ценою жизни
Небывалый вырастил я сад.*

.....

*На берёзах белых
Золотые яблоки растут, –*

прочитаем у Василия Фёдорова в стихотворении «Бе-рёзовый рай». Так и сидят они в обнимку под березой с райскими яблоками. В этом небывалом саду и про-шла вся жизнь двух русских поэтов XX столетия.

Василий Фёдоров был мученик страстей и своего демонического характера. За их любовь с Ларисой он заплатил, как ему казалось, ценой потери свободы. Но, когда они попытались предоставить друг другу свободу, оба почувствовали, что свобода друг без дру-га не нужна. Вот история их любви в стихах Василия Фёдорова:

*Сопrotивляясь тёмной силе,
Её жестокости тупой,
Мы друг за друга заплатили
Ценою слишком дорогой.
...И все потери, все утраты,
Всё, что лишь в памяти таю,
Мы жизни отдали в уплату
За позднюю любовь свою...*

Творчество Василия Фёдорова, лауреата государ-ственных премий РСФСР и СССР, – выразительный пример соцреализма в поэзии. Его лирический ге-рой – человек из народа, работяга (например, Дон Жуан из заводского цеха). Его лирическая героиня – подруга Дон Жуана. Поэт бытописует прозу жизни, ставит целью возвеличить обыденность и потому при-бегает к торжественной классической манере письма, создавая современный вариант поэтического романа. Стилистика поэмы «Дон Жуан» Василия Фёдорова со-ответствует поставленной задаче: она отдаёт тем са-мым жизнерадостным архаизмом, который теперь мы называем модным словом «ретро». Впрочем, Фёдоров иронизировал над модой, над ретро-стилем. Да и в самом внешнем облике поэта ироничность была глав-ным, что подчёркивало его характер.

Помню, как-то сидели мы втроём в кафе ЦДЛ: Ва-силий Фёдоров, Анатолий Парпара и я. Василий Дми-триевич показывал нам только что написанное стихот-ворение о плотнике, стругающем древесину. Мне понравилось оно своей словесной вязью, философич-ностью, но весь какой-то напряжённый, насмешливый облик поэта не позволил мне раскрепоститься и сво-бодно выразить своего чувства. Как же удивит меня точностью характеристика, данная ему посмертно Ла-рисой Фёдоровой в её поэтическом сборнике «Танец стрижей», когда скажет о нём: «Философ! Ты демон соблазна и муки».

Меня всегда озадачивало, что вдова поэта Лариса Фёдорова – человек жертвенный по сути, согласный на такие душевные страдания. Это и выразилось в её поэтическом творчестве. Её лирическая героиня – женщина, существо жертвенное, любящая деспотиче-ского, своенравного мужчину и относящаяся к нему самоотверженно, по-матерински бережно. Ее лириче-ский герой – владыка, властвующий над лирической героиней; он принимает жертву во имя любви, жертву в виде жизни героини. Вот история самопожертвенной любви, рассказанная Ларисой Фёдоровой в её новой книге:

*Я к морю поеду, я лодку возьму
И камень огромный в корму положу.
Плыви, моя лодка, подальше плыви,
Я брошу на глуби мой камень любви!*

.....

*Плыви, моя лодка, скорее плыви,
Чтоб волны меня не догнали.
Чуть виден отсюда мой берег любви,
Моей неизбывной печали...*

Жертвенность лирической героини Ларисы Фёдоровой выразилась в её плате за собственную преданность и верность, в плате за право господства возлюбленного над собою же, за позволение тиранить её ревностью, подозрениями, словно в этом самоистязании и заключается какая-то высшая мистическая суть любви женщины. Я никогда не соглашалась с этим направлением русской поэзии да и всего русского бытия, протестовала против них.

А вот история создания Василием Фёдоровым стихотворения «Клятва», которую поведала мне Лариса Фёдорова. Это происходило в 1963 году. Случай, благодаря которому написана «Клятва» Василия Фёдорова, корнями своими уходит в давность их взаимоотношений, начиная с самой женитьбы в 1949 году, когда Василий Фёдоров прочитал в дневниках Ларисы о её добрых симпатиях. Муж потребовал от жены клятвы в верности, хотя с тех пор миновало более двадцати лет, и, как говорится, её увлечения и интересы той поры успели порости бильём. Был зимний день на подмосковном хуторе Гаврилово. Со второго этажа дачи Лариса любовалась хороводом сосен на лесной полянке. Под февральским солнцем на белых крышах сверкал снег. И вдруг в этой сказочной тишине, в этом совершенном блаженстве, даруемом нам иногда жизнью, раздалась быстрые шаги по скрипучей и почти отвесной лестнице. В Ларисину светёлку ворвался запыхавшийся Василий Фёдоров и торопливо, не давая жене опомниться, потребовал клятвы в верности. Чем ни клялась несчастная красавица-жена, он не желал верить. Тогда поэт увидел на столике кофейную чашку и бутерброд с белым хлебом, и его осенило: он потребовал поклясться хлебом, Лариса всплеснула руками, воскликнула:

– Господи! Да на белом хлебе поклянусь!.. На белом снеге поклянусь! Синим небом поклянусь!

И снова бегом Василий Фёдоров помчался вниз, на первый этаж, к своему камину. Так возникли лучшие строки его любовной лирики:

*Было всё. Всего нелепей
Заклинал её: страшись!
Поклянись на белом хлебе,
Поклянись на белом снеге,
Синим небом поклянись!..*

Поводом для такой отелловской ревности было то обстоятельство их жизни, что однажды, незадолго до женитьбы, Василию Фёдорову в буквальном смысле свалилась на голову пачка писем. Происходило это в Москве, в переулке Садовского, описанном позже Василием Фёдоровым в его знаменитых «Снах поэта»,

в семиметровой комнате коммунальной квартиры с окном на пустырь, именно через это окно на первом этаже знаменитый их кот по кличке Тартюф, обласканный Владимиром Солоухиным и многими другими популярными нашими писателями, как-то в голодное студенческое время принес Фёдоровым, студентам Литинститута, добычу: свёрток с колбасой. Всего-то в комнатёнке Ларисы умещались платяной шкаф, тахта, стол и стул. Оба учились на втором курсе, на семинаре Антокольского, затем вышла размолвка с литературным наставником, и Лариса стала заниматься у Паустовского, на многие годы приказав своему певчому поэтическому сердцу замолчать. В голодные послевоенные годы студенчества Лариса Фёдорова подрабатывала в Моссовете съездовской стенографисткой, живя в комнате мужа, погибшего на фронте. И когда ей встретился Василий Фёдоров, она собиралась замуж, как это часто бывает, за другого. Свалившаяся на голову Василию Фёдорову пачка писем её нового жениха внезапно вызвала у поэта ревность, которая распалила его тогда ещё неясное чувство к овдовевшей во время войны Ларисе. Много позже, уже известным поэтом, Василий Фёдоров напишет о том:

*Опять люблю, тревог не ведая,
И только в мыслях не решаю:
Что это?! От тебя же еду я,
А кажется, к тебе спешу...*

После смерти Лариса Фёдорова ответит ему:

*Как долго я тебя люблю,
Ни в чём тебе не присягаю.
Пусть присягают королю,
Измены яд приберегая.*

.....
*Неразлучимая с тобою,
Хотя при собственной оси...
Тебе лишь знать, чего я стою
Средь всех любимых на Руси.*

Помнится, что четверть столетия тому назад я поделилась с моей покровительницею тем, что делаю записки на будущее о них с Василием Дмитриевичем, написала и дала прочить ей следующее: «Дорогая Лариса Фёдоровна! Смерти нет. Во всяком случае – у поэта. Ведь Вы сами пишете о Василии Фёдорове как о живом, сами боитесь поверить в чудную тайну – тайну вечной жизни. Да и можете ли забыть сокровенное: Марьевку, домик сибирский, где вы вместе гостили, Марьевку, где издавна жил род Фёдоровых? Вот раскрываю Ваше письмо ко мне, в котором Вы описываете первый посмертный праздник поэзии Василия Фёдорова в Марьевке, и читаю: «Фёдоровские чтения собрали в Марьевку (заасфальтированную и заполисаженную для этого случая) более десяти тысяч человек. Народ со всех местностей шёл и ехал, как в Мекку... Смяли и

милицейские заслоны в музей-квартиру... А меня вообще подхватил этот водоворот и отпустил только сегодня – через день после чтений, ибо на следующий день телевизионщики потащили под «юпитеры»... Я очень устала! Алексей Марков и Алексей Шитиков, Леонид Решетников, Озолин, Филипенко и Черкасов из Барнаула тоже едва вырвались из этого потока! А какой «небесный» портрет Василия Дмитриевича был уставлен на марьевских лугах, где как-то волшебным образом зашумела ярмарка, заплескались и запели цыгане...»

Лукаво смотрит Василий Фёдоров со своего портрета – это взгляд его деда Наума Осиповича. Дед поэта был человеком нерелигиозным, крутым, своенравным. В Марьевке Лариса и Василий посадили у своего дома берёзку, ту самую, на которой растут райские яблоки Василия. Здесь течёт золотоносная речка Яя, где будущий поэт мыл золото. Не это ли причина появления в характере Василия Фёдорова свойства докапываться, добираться до сути? Отец поэта страстно любил лошадей, цыган, азартные игры. Не его ли темперамент выявился в Василии Фёдорове, когда поэт создавал своего «Дон Жуана»?

Жили некоторый период родители Василия Фёдорова в Кемерове, в шахтёрском бараке с земельным участком, когда с востока надвинулся Колчак. Родился поэт девятым ребёнком в семье 23 февраля 1918 года. Через год его старшего брата Андрея, выучившегося грамоте, приняли в партию и направили в Омск на парткурсы. Из Кемерова родители переехали в родную Марьевку после рождения Василия, они поселились под горой у безымянного озера, названного впоследствии поэтом озером Кайдор. Ведь в природе всё когда-то кем-то названо. Название привилось. Гражданская война не миновала захолустной сибирской деревушки. Несмотря на тревожные годы, выпавшие на детство Василия Фёдорова, поэт радостно вспоминает их в стихах. Вскоре стал коммунистом и другой брат будущего поэта, Пётр. Семья Фёдоровых жила бедно, с трудом приобрела в Марьевке дом на горе. Весной 1932 года подростком Василий Фёдоров окончил шесть классов школы колхозной молодёжи, уже начав по примеру старших братьев сочинять стихи, затем окончил Новосибирский авиационный техникум, а во время войны стал кандидатом в ряды КПСС. В своей автобиографии Василий Фёдоров пишет, что как поэт он родился из чувства социальной новизны, переживаемой старшим поколением. «Это чувство, – пишет Василий Фёдоров, – не должно было пропасть». И поясняет, что поэты его поколения являлись как бы связующим звеном между революцией и послереволюционным временем. Василий Фёдоров уточнял, что на чьей-то душе должна была осесть «семейная соль». Выросши из народных низов, он воистину стал народным поэтом. Но и «чернозёмная грубость», которой он по-мальчишески бравировал всю жизнь, оставаясь тонким и ранимым человеком, не мешала Василию Фёдорову создавать

любовную лирику высокого стиля. Вдохновительницей его творчества всегда была его Лариса:

*Не гибнут страсти. Над враньём
Опять смеюсь. Пусть не лукавят.
Любовь горит вторым огнём.
В таком огне железо плавят.*

Его любимый вопрос был: «А всё-таки?..», недоверие, дотошность, коварство сквозили в вопросе автора «Дона Жуана». «Ты – опричник», – обзывала его Лариса.

*... Уму непостижимы
Две тайны: Женщина и смерть! –*

воскликнул однажды поэт, и так родились его афористические строки. В своей прозе «Сны поэта», которую напечатал журнал «Москва» в 1979 году в № 8, Василий Фёдоров предвосхитил, предопределил собственную смерть от удара в сердце. Во снах ему настойчиво являются два образа: земной образ любимой и неземной образ святой женщины. Я бы сказала, что это даже образ единый, но двоящийся. Образ, по сюжету Фёдорова, укоризненный и печальный. Этот двойственный идеал в действительности прошёл через всю его жизнь, идеал любви, идеал покорного женского долготерпения. Устами этого двоящегося образа после смерти мужа заговорит Лариса Фёдорова:

*Он не умер, с жизнью не покончил,
Жизнь любя,
Только стал безмолвнее и тоньше – ковыля...*

Можно ли после столь глубокого проникновения верить мужицкой браваде Василия Фёдорова:

*Не ходим в эстетической уздечке.
Изысканность – на кой нам чёрт нужна!
О женщине красивой, как о печке,
Мы говорим: «Неплохо сложена...»*

Игра, мужицкое позёрство были общими чертами жизни тех советских лет, а поэзия сделалась тогда из суровой пропаганды в рифму немного вроде как забава жить, как средство пошутить, посмеяться над своей же грустью.

В журнале «Наш современник», № 4 за 1985 год, посмертно опубликовано продолжение «Снов поэта». Здесь Фёдоров пишет об опыте наблюдений за собой. Он исследовал причины своей грусти, тоски, тревоги настолько, насколько позволяет данный литературный жанр. Примечателен пример, рассказанный здесь им, с его волоском-антенной, выросшим над переносицей. Знаток пояснил поэту, что сильно торчащий у него над переносицей волос (не седой в отличие от цвета бровей) не простой. Поэт и сам заметил, что с появлением волоска он приобрёл какую-то склонность к предчувствиям, что волос словно служит ему антен-

ной, воспринимающей сигналы и импульсы из внешнего мира. Однажды Василия Фёдорова охватила беспричинная, казалось бы, тревога. И тут один шутник без всяких церемоний вырвал волосинку. Беспричинная тревога исчезла так же беспричинно. Однако незамедлительно обнаружился трагический повод для тревоги: поступило известие о смерти сестры.

В начале своей литературной деятельности Василий Фёдоров сотрудничал в журналах «Огонёк», «Смена», «Крестьянка», ему приходилось много и успешно заниматься прозой и публицистикой. Выпускники Литинститута сплотились в дружескую группу: Солоухин, Кобзев и Тендряков. К ним примкнул Фёдоров. В 1955 году Василий Фёдоров написал повесть «Добровольцы». Но страстная душа требовала изъяснения более чувств, чем событий, отчего он вновь обратился к поэзии. Здесь Василий Фёдоров обрёл возможность поклоняться некоему идеалу, который он искал в женщине. И если в ранних стихах Фёдоров высказывал мысли о том, что славил бы Женщину, только не жену, то по истечении времени этой самой Женщиной с заглавной буквы, его музой, поэтическим идеалом оказалась именно жена, его товарищ по перу, друг и соратник. Жене посвятил он стихотворение «Звезда».

*Неравнодушная к приметам,
Ты помнишь ли ту ночь, когда
Средь звёзд, горевших ровным светом,
Явилась странная звезда?
Мне долго было неизвестно,
Как жизнь планетная течёт.
Однажды тайну тел небесных
Открыл мне старый звездочёт.
На голубые глядя точки,
Сказал он мне тогда: «Сравни
Все эти звёзды-одиночки,
Без перемен горят они...
А ваша, что предстала взглядам
Печальным признаком беды,
Не одинока... Это рядом
Бредут по небу две звезды».*

В «Танце стрижей» у Ларисы Фёдоровой читаем об этом же:

*Это ты меня научил
Звёздной ночью к озёрам ходить,
Воду чёрную звёздную пить,
Чтоб тебя не смогла разлюбить.
А берёзки на вешней земле,
Словно девушки в белом, бродили,
Их одежды светились во мгле,
Когда звёздную воду мы пили...*

Вот один и тот же сюжет у двух поэтов, и другого сюжета у них не было. Они написали об одном и том же, но с разным чувством и по-разному относясь к од-

ному и тому же. Если Василию Фёдорову открывается его неодинокость, ниспосланное небесами, то Ларисе Фёдоровой открывается магическое чувство, тайна любви. Василия Фёдорова в данном его произведении интересует результат его познания, результат его попытки разобраться в судьбе, а Ларису Фёдорову в её произведении интересует само колдовство любви, сам процесс магии. Налицо различие мировоззрений: поэт видит по-мужски, поэтесса по-женски. Когда мы суммируем мужское и женское впечатление, создаётся объективная картина мира. Но, увы, такие браки, такие семейные творческие союзы крайне редки, даже уникальны. Поэтому воспроизводить картину мира читателю приходится по принципу создания мозаики – из различных кусочков смальты – произведений разных творцов. Так и побрели об руку по небу своей поэзии, то есть любви, Лариса и Василий Фёдоровы. После его смерти Лариса напишет в своей книге стихов:

*Вот и дым табачный выветрен...
Даже пачку папирос
Кто-то, посчитав реликвией,
К доброй памяти унёс.
Только зарево от жизни
На полнеба занялось...
– На какой планете ближней
Поселиться удалось?*

133

Взаимная любовь Фёдоровых на земле закончилась смертью Василия, успев, однако, запечатлеться в их творчестве и таким образом обессмертиться.

Россия в творчестве обоих поэтов была как бы паролем, с помощью которого узнавали своих и чужих. У Ларисы Фёдоровой – Россия там, где «даже снега цветоносят», поэтесса ощущает себя должницей России, «должницей холмов и высот», где полегли солдаты в Великую Отечественную («Пермиловские высоты»). И всё же главная тема нового поэтического сборника поэтессы – тема воспевания любви к Василию Фёдорову:

*Тебе – твоё! Не мне тебя судить
За все грехи, что зримы и незримы.
Но лишь тебя мне суждено любить
И зваться именем твоей любимой.*

Листая трёхтомник Василия Фёдорова, встречаем стихи о страсти, так хорошо знакомой каждому из людей:

*Плачь. Пусть слеза прольётся,
А ты себе живи.
Тебе легко живётся
И в жизни, и в любви.
Страдай. Твоё страданье,
Увы, невелико.
Рыдай, твоё рыданье,
Как у детей, легко.*

*Но все твои печали,
Как воды по весне,
Подземными ручьями
Изроют душу мне.*

Малое значение теперь для нас имеет хронология, итогом любви и творчества обоих поэтов словно является альбом любовной лирики, сокровенное человеческое чувство в его полноте. Характерно, что в любовном творчестве обоих поэтов отсутствует физическая сторона любви (секс, эротика); описанные любовные чувства возвышенны и чисты.

Как признается в «Снах поэта» Василий Фёдоров, он был интеллигентом в первом поколении. Видимо, именно этим обстоятельством он обязан и некоторым своим заблуждениям. «Бойтесь утонченности, – как-то провозгласил он в заметке с таким же заголовком, – утонченность всегда за счёт силы и плоти». «Изящество приводит к жеманству и кокетству», «неряшливость – одна из форм избалованности, мнимой утонченности», – читаем в томе третьем. Василий Фёдоров был, что называется, человеком электрическим, он состоял из противоречий, обострившихся в конце жизни. Именно его достижения и ошибки, победы на творческой ниве и поражения сближают его с духовным развитием народа. В своём поэте читатели обнаружили то человеческое, которое никогда не было ему чуждо. Василий Фёдоров синтезировал в себе народные думы и переживания, поэтому всё созданное им народно, и всё пользуется народной любовью.

Василию Фёдорову нравилось, когда поэт мыслил большими категориями: век, эпоха, человечество, планета... Он по-детски наивно верил в коммунизм, поэтому призывал к коммунизму, поэтому славил Ленина и ленинскую партию. Поэзию же, которая способна была терпеть его «черноземные» шутки, Василий Фёдоров считал поиском прекрасного. «Идея красоты – это идея правды, – читаем в его томе третьем прижизненного издания. – Ложное не может быть красивым. Но идеалы прекрасного менялись...» И продолжал с партийной убежденностью далее: «Мы оптимистичны, ибо мыслим исторически».

Критерием писательского мастерства Василий Фёдоров считал того изображённого героя произведений, который строил жизнь по Марксу и по Ленину.

Творчество Василия Фёдорова типично для страны Советов, узнаваемо, его переживания хорошо знакомы и понятны читателю, оно демократично:

*Мы из крестьян.
.....
Эстетика о нас
И слыхом не слыхала
(из книги «Как цветы на заре». М.: Совпис, 1982).*

Или вот откровение лирического героя Василия Фёдорова из той же книги «Как цветы на заре» в стихотворении «Друзьям»:

*Деревенский я весь,
Даже больше, чем был
До того, как увидел трамвай.*

Вера безвозвратно канувших лет в престиж поэта сегодня выглядит как-то по-детски наивно, сегодня, когда компьютер умеет сочинять стихи, когда поэзия стала таким же камерным видом искусства, как музыка и балет, когда сам поэт напоминает скорее коллекционера бабочек или рыбок, чем трибуна и борца. Видимо, время трибуны, эстрадной поэзии миновало. Но ещё вчера советская поэзия была могущественной силой, проповедницей, ещё вчера поэзия выполняла важную социальную задачу, учила жизни:

*Пусть недруги бранят,
Трудись, не споря.
Они тебя гранят
Себе на горе (из книги «Как цветы на заре»)*

Лариса Фёдорова издала два поэтических сборника («Ветка шиповника» и «Танец стрижей») уже в новейшие годы, когда функция поэта в социальной жизни общества видоизменилась от агитационно-пропагандистской и проповеднической до почти коллекционерской, камерной. Нельзя было в 80-е годы XX столетия не учитывать особенностей читательского спроса, отчего поэтесса обратилась к внутреннему миру своих лирических героев, меньше уделяя внимания внешнему. Ларисе Фёдоровой удалось выполнить поставленную задачу: она исследовала душевные переживания своей лирической героини, доходящие порой до самоотречения и даже самоуничтожения в своей жертвенной любви. Вот характерный пример из стихотворения «Быть с другим»:

*Ты разлад и покой.
Нетерпенье моё и терпенье,
Я – дневная.
Ты – сумрак ночной,
Я – как правило,
Ты – исключенье.*

Совершенно иначе выражал любовное чувство в своей лирике Василий Фёдоров. Ему было присуще энергичное, властное отношение к жизни, в которой он – хозяин. Его лирический герой спорит с героиней Ларисы Фёдоровой:

*Как мне постылы назиданья
Покорности: страдай, терпи!
Я в мир пришёл не для страданья,
Пришёл для счастья и любви.*

Это было трибунное провозглашение его программы, это было написано много раньше. Я не согласна с Ларисой Фёдоровой в том, что её лирическая героиня является «правилом». Такая великая самопожертвенность есть свойство большой и чистой христианской души, а не малой и не средней, которую и следовало бы назвать «правилом». Однако кто имеет право на такую жертву? Этот вопрос – вопрос совести.

Всё реже современные наши поэты пишут для пробуждения общественной совести, словно она – что-то устаревшее, вышедшее из моды, изжившее себя. Творчество Ларисы Фёдоровой глубоко нравственно, глубоко человечно и сострадательно. Откройте любую книгу её прозы, и вы прольёте слёзы над судьбами героев, причём героев достоверных. Лариса Фёдорова едва ли что-то «выдумывала» в своих книгах, ситуации и судьбы в её произведениях везде подлинные, там нет лжи даже во имя искусства. Произведения Ларисы Фёдоровой не общие, а конкретные, они оплачены жизнью, это сама правда.

Если я могла в обществе Василия Дмитриевича не осмелиться высказать что-либо, чтобы не прогневить классика, не терпящего возражений, то в обществе Ларисы Фёдоровны я никогда не чувствовала себя скованно или принуждённо. Её удивительная жизнерадостность порой просто изумляла меня, вполнину младшую. Уйма друзей, гостей и знакомых в её доме находились в непрестанном переживании об искусстве, не смолкали разговоры о живописи, поэзии, кино...

Когда-то моё сердечное доверие вызвала супружеская чета Фёдоровых тем обстоятельством, что оба являлись знатоками и ценителями поэзии моего учителя Николая Ушакова. Честь делало Василию Фёдорову и то обстоятельство, что он писал об Ушакове: «Как верен себе этот поэт!.. Буйство молодости сменяется зрелостью мысли, мягкостью красок, как мы это видим в поздней весне Ушакова». Лариса Фёдоровна очень трогательно рассказывала об их знакомстве, произошедшем в Коктебеле.

В посмертном стихотворении «Вместо воспоминаний» Лариса Фёдорова напишет о Василии Фёдорове:

*Метеору – метеорово...
Не судите, не судим,
Но в ту огненную сторону
Устремите взгляд за ним...*

Писательская семья Фёдоровых самоотверженно служила родному народу. Помню, как после смерти Василия Фёдорова овдовевшая Лариса обрела себе утешение в работе над его рукописями: она собирала их воедино, упорядочивала, редактировала, перепечатывала на пишущей машинке с её катастрофически плохим зрением, раздавала на хранение, пересылала и торопилась закончить все земные дела – теперь наступала её очередь умирать. Началась перестройка –

менялся политический режим советского государства, походило на то, что пророчество Ванги об изменении государственных границ Советской империи делалось уже правдоподобным. Лариса Фёдорова осунулась, исхудала, материальный достаток исчез.

<...>

Старосоветская писательница иногда удивляла меня своим знанием программных стихов Николая Ушакова, которые начала забывать в суматохе дней даже я, единственная наследница Ушакова в новых временах. Так, Лариса Фёдоровна процитировала ушаковское стихотворение «Есть такая сторона»:

*Пушкин, Маяковский, Блок,
Лермонтов с Некрасовым!
Раздувай свой уголёк,
Намечай, набрасывай!
Вот она – родная речь,
Звуков равновесие.
Как тебя нам не беречь,
Русская Поэзия?!*

Когда ещё был жив Василий Дмитриевич Фёдоров, он однажды застал Ларису за этим цитированием и вставил пару фраз в нашу с ней дамскую беседу:

– Мне очень нравится у Николая Ушакова точность деталей, правдивость. До войны Ушаков как-то написал строчки: «Играя с самого утра, ходил шарманщик по дворам...» Так ведь и было! Однажды я никак не мог оторвать Ларису от письменного стола и посадить ужинать – разозлился да пригрозил уйти к другой женщине. Что бы ты думала, как моя жена мне ответила? Никто не догадается! Лариса оторвалась от своей рукописи, упёрла руки в боки и захохотала, а потом заставила меня драить сковородку... И я драил! А что было делать? Любовь зла... «О, женщина, краса земная, родня по линии прямой... ты носишь рай в себе самой!».

Василий Фёдоров был награждён двумя государственными премиями и тремя орденами за своё писательское служение государству. <...>

Так, однажды Василий Фёдоров, Искра Денисова, Александр Гаврилов, Александр Сизов и Владимир Шлёнский прибыли на выступление перед рабочими московской фабрики по случаю завтрашнего праздника – очередного юбилея Великой Октябрьской социалистической революции. Вела пропагандистскую встречу с писателями критикесса Денисова, сидевшая перед микрофоном справа от меня за кумачовым столом, а Василий Фёдоров между тем читал партийные стихи и срывал аплодисменты. После мероприятия фабричное руководство пригласило нас на чай, который не пил никто, кроме меня и Денисовой. Парторг фабрики заговорил с лауреатом Василием Фёдоровым о влиянии выдающихся личностей на ход истории.

– Вот и вы, Василь Дмитрич, – взял парторг под локоток лауреата, – под руководством Коммунистической партии Советского Союза тоже влияете на ход истории своей поэзией. Признаться, я влюблён в вашу поэзию и даже на заседании фабричного партактива цитировал ваши очень правильные строчки:

*Всё испытав, мы знаем с вами,
что в дни психических атак
сердца,
не занятые нами,
не мешкая, займёт наш враг.
Займёт, сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет, нас разя!
Сердца –
ведь это же ВЫСОТЫ,
которых отдавать нельзя.*

– Очень правильные стихи! – пригладил жиденькие волосики, скрывавшие лысину, фабричный парторг. – В поэтических строчках вы, Василий Дмитрич, выразили суть политики Коммунистической партии в борьбе за людские умы...

Фёдоров был вполне удовлетворён своим влиянием на ход советской истории, но с положенной партийному поэту коммунистической скромностью перевёл беседу на французского писателя Андре Моруа, который заявлял, что даже полководцы Цезарь или Наполеон так не изменяли хода истории, как самые обыкновенные историки.

Не помню, каким образом беседа Василия Фёдорова с парторгом коснулась русского патриотизма, но припоминаю, что Искра Витальевна Денисова подскочила к лауреату и провозгласила, что женский патриотизм ярче всего выражен в пении Людмилы Зыкиной. Поэты Сизов, Гаврилов и Шлёнский окружили отдельно стоящих коллег и внесли свою лепту в закулисную беседу. Гаврилов произнёс:

– Великая гордость – родиться великороссом!
Сизов добавил:
– И гордость, и ответственность.

Парторг пригладил соломенные пряди, притрусившие сверкавшую лысину, и произнёс:

– Пролетарско-коммунистическое мировоззрение несовместимо ни с какой националистической доктриной. У нас в СССР объявлен бой любому национализму и прежде всего – русскому. Все мы, граждане Советского Союза, являемся прирождёнными интернационалистами, из чего следует, что у всех граждан СССР общая национальность – советская.

Речь парторга вовсе не обязательно являлась истиной, но вполне могла быть провокацией, поэтому никто из нас не стал перечить комиссару, хотя каждый носил в своей душе то самое, что провозгласил Гаврилов: «Родиться великороссом – это гордость». Гордости этой научило нас произведение нобелевского лауреата Бунина «Жизнь Арсеньева».

<...>

Воспоминания исчисляются десятилетиями. Помнится, как вестибюль Центрального дома литераторов гудел от многолюдности.

Василий Фёдоров, Искра Денисова, Анатолий Софронов и Владимир Цыбин сгруппировались вокруг казённого стола в стремлении отметить своё присутствие у секретарши, которая листала алфавитные списки писателей. Писательский пленум проводился в большом зале, и это был повод встретиться с теми коллегами, с которыми давно не виделись. Когда Фёдоров, Денисова и Софронов зарегистрировались, им уже пожимал руку Александр Гаврилов, подошла поздороваться и я. Мы с Сашей обнялись, и Василий Фёдоров сказал:

– Точно так же и мы с Володей Солоухиным сейчас обнялись. Студенческая дружба не ржавеет.

– Но вовсе не со всеми подряд хочется обняться, – молвила я и пылливо взглянула на Василия Дмитриевича.

– Это правда, – подмигнул Фёдоров мне в шутку, давая понять, что он сам тоже разборчив в общении с коллегами.

<...>

Мы все обсуждали потом какое-то неуловимое сходство характеров, принимаемое нами за внешнее, между Бетховеном и Василием Фёдоровым: та же темпераментность в облике обоих. Неслучайно поэт Фёдоров прославился своею поэмой о Бетховене. Избирать высокую тему для сочинительства являлось прямым следованием ушаковской традиции.

<...>

Фёдоров подумал и сказал Гаврилову:

– Замечаю в твоих стихах подражание Есенину; есть-есть чуток, не отпирайся! Но ведь подражание кумиру без критического отношения к кумиру кончается, Саша, плачевно. Я говорю о лихачестве: тот водку пил без меры, и ты увлекаешься. У кумира надо перенимать только достоинства, но никогда не следует копировать недостатки. Впрочем, я и сам не святой... Помню, после войны поступил я учиться в Литературный институт, какое-то время жил в общежитии. И написал мой сосед по комнате на меня донос: будто водкой увлекаюсь, а за водкой похабные анекдоты рассказываю. Причём сосед делает вид, что ничего не знает. Тогда купил я молотого красного перца, чтобы отомстить доносчику, дождался, когда он мокрые трусы свои повесит сушиться на батарею, да и сыпанул в те чёрные трусы немного лютного перца. Трусы высохли, Иуда тот напялил их и пошёл на занятия. И вдруг доносчик начал ёрзать на сиденье, гляжу – уже о стул начал чесаться, как лось об ёлку. Тут звонок на перемену зазвенел. Иуда наш пулей в туалет умчался, но опоздал – все кабинки заняты. Смотрю – он уже рок-н-ролл танцует возле кабинки, схватил ведро, налил воды и

заперся наконец в освободившейся кабине, да с подвыванием! Теперь была моя очередь делать вид, что я ничего не знаю... В общем, больше на меня кляуз он не писал. Писатель!..

<...>

Кажется, в ноябре 1969 года Гаврилов, Сизов, Щелкопёр и я вчетвером принесли на какой-то вечер в Центральный дом литераторов, подсели в пёстром кафе к Передрееву, потягивавшему коньячок в обществе молчаливого и важного советского классика Василия Фёдорова. Надо отметить, что Фёдоров получал такие писательские гонорары как лауреат государственных премий, которые позволяли ему гнущаться водкой и пить исключительно дорогой коньяк, причём всегда угощал он сам и редко пил за чей-то счёт – уж если только сильно попросят. Анатолий Передреев представил молодых поэтов советскому партийному поэту, который позабавил нас новостью о том, что между русским революционером Бакуниным и Карлом Марксом однажды едва не произошла дуэль. Причина смертельной злобы анархиста Бакунина против создателя дорогой бакунинскому сердцу социалистической теории коренилась в хамстве Карла Маркса, оскорбившего героическую русскую армию. Бакунин, уязвлённый, вызвал русофоба на дуэль, но русофоб Карл Маркс отверг дуэль, мотивируя тем, что его жизнь принадлежит коммунистической идее и никак не должна обрываться возможным несчастным случаем.

– Ух! – закусил коньячок бутербродом Передреев, обдумывая новость. – А что было бы, если бы дуэль состоялась и наш Бакунин убил бы Карла Маркса? – Передреев осклабился.

– Но-но! – пригрозил пальцем Василий Фёдоров, как бы в шутку, – Маркс должен был жить и претворять социалистическую теорию в повседневную практику, тут всё произошло правильно. Ведь социализм осуществил на практике извечную христианскую мечту о социальной справедливости, равенстве и братстве народов.

– Правильно-то оно, может, и правильно, – глотнул коньячку из своей рюмки Гаврилов (классик угощал молодёжь), – но уж чересчур у Маркса борода кудрявая!

– А ты расчёсывал? – набычился партийный классик.

– Нет, – ощерился Гаврилов, почему-то невзлюбивший Марксову бороду, – я разглядывал на картине.

– Ну, и чем тебе Марксова борода не понравилась? – начинал злиться Василий Фёдоров.

– А, кудрявая! – уставился на почтенного поэта захмелевший Гаврилов с ехидной ухмылочкой.

Мы со Щелкопёром в недоумении переглянулись. Александр Сизов (по прозвищу Сизарь) перехватил наш взгляд, залпом выпил вторую рюмку коньяка и, потупясь долу, чему-то своему засмеялся. Партийный

классик, уважавший Карла Маркса, разъярился, как бык на корриде.

<...>

– Мой дед погиб в борьбе со стихией – с пожаром, – произнёс партийный классик, – дед защищал семейную пасеку. Наумом Осиповичем звали. Тиран был, нрава крутого, лошадинок. Дед мой работал ямщиком в Томске, работа была опасной из-за дорожного разбоя. Уж до того был крутого нрава дед Наум, что даже по лихости умучил свою молоденькую жену. До того умучил разнузданным нравом, что в свои двадцать три года взмолилась она к Богу о ниспослании ей смерти. И отчего-то умерла. Дед овдовел, остались дети. Так что мать моя с пятилетнего возраста росла в социальном сиротстве, была фактической сиротой у вдового отца... Да и вся жизнь фёдоровского рода связана с сиротством. А ещё потом, как нарочно, и мать моя выбрала себе бездомного мужа. Гадания предсказывали матери мужа с именем Дмитрий. Судьбу конём не объедешь... Вот уж кто лошадинок был – так это мой отец! Целые дни проводил в таборе у цыган, лошадей обожал. Было у отца моего восемь детей, работал сперва каменщиком, затем шахтёром. Выпивоха был, игрок и гуляка – весь в деда! Тут, конечно, без фатума не обошлось. Судьба вмешалась. А с чего бы вдруг да я поэтом стал бы?!

<...>

– Э, – протянул захмелевший Василий Фёдоров, – чтобы стать поэтом, лучше всё же, братцы, быть в здравом рассудке, да и учиться надо на поэта долго и мучительно, как учатся любому ремеслу. Сказки это, что поэт без учёбы может обойтись! Ну представьте себе обувного мастера, портного, врача или штукатура без навыков, без знания дела. Какую обувь сошьёт неумеха-обувщик? Какие брюки сошьёт необученный портной? Согласится ли кто-нибудь вырвать зуб у стоматолога, нигде не учившегося? А что наштукатурит вам штукатур, только лишь наблюдавший этот процесс со стороны и не имеющий теоретической подготовки?.. Правда, сам я закончил шесть классов школы колхозной молодёжи – не Бог весть какое первоначальное образование, конечно, да зато много и упорно потом занимался самообразованием, Литературный институт осилил. На Первом всесоюзном совещании молодых писателей познакомился я с Твардовским и Асеевым, они-то и поддержали меня. Здесь же Асеев рассказал всем нам о своих друзьях – о Николае Ушакове, Маяковском и Пастернаке, об Ахматовой...

– Николай Ушаков дал мне рекомендацию для поступления в Литературный институт, – вставила я, напомним о себе. Коньяк я не пила, довольствуясь апельсиновым сидром.

– Тебе повезло на литературного учителя, – обрадовался Василий Фёдоров и как будто лишь сейчас заметил ту 19-летнюю студентку, которая тогда, в конце

60-х годов минувшего столетия, находилась в мужской компании. – Держи ушаковскую марку в русской литературе! – призвал меня Василий Дмитриевич хранить ушаковские традиции и наследовать их. – Твой учитель Ушаков создал образцовый стиль писателя во всех смыслах, а высокое искусство вызывает людскую зависть: лодыри да неумехи завидуют совершенству, достигнутому трудами. Зависть же в свою очередь вызывает чувство неприязни. Так что приготовься к трудному и опасному пути в литературе, ушаковка!.. Кстати, об опасности, – ухмыльнулся Фёдоров, – работал в юности я рядом со складом, где хранились пустые бочки из-под бензина и солёнки. И вот запомнился мне случай на том складе для использованной тары. Работал на складе старичок, любивший выпить летом в жару холодного пива. Я с ним иной раз тоже пиво попивал. Глядь: старикана от пива разморило, осмелел сторож да и закурил. Я ему выговариваю: окстись, мол, дед, ты ж на бочке сидишь из-под бензина – здесь опасно курить. Сторож мне на то отвечает: яйца кур не учат. Ну, ушёл я по своим делам на свою работу, а старикан продолжает в бочку из-под бензина сигаретный пепел стряхивать, да, видать, стряхнул пепел вместе с огнём. А я-то удалился уже метров на сто. Обернулся, гляжу: под грохот взорвавшейся бочки, содержавшей, очевидно, на дне остатки бензина подскочил вверх сторож, как Мюнхгаузен на ядре, да и шмякнулся в лужу. Хорошо, что только мягкое место отбил! Так что осмотрительность везде требуется, надо уметь предугадывать события, думать наперёд, чтоб зад не отбить!

<...>

– Вот что значит Бога нет, – отдышался от смеха Василий Фёдоров. – Хотя атеисты у нас в деревне талдычили, что и Бога нет, и души у человека нет, а всё-таки я чувствовал, что есть душа, раз болит иной раз. Особенно при влюблённости. Влюблённость – это, по моему, самая кошмарная болезнь на земном шаре. От любви жизнь становится не в жизнь, прямо сумасшествие... Я много лирики посвятил любовной теме.

<...>

Когда я вернулась к общей беседе, до моего слуха донеслись откуда-то, словно из-под воды, слова Василия Фёдорова:

– Мне нравится личность Николая Ушакова тем, что этот писатель живёт и творит, исходя из христианских взглядов на мир, нравится благородством и порядочностью. Его родственник – гениальный иконописец Симон Ушаков – автор фресок в Московском Кремле, расписывал царские палаты, – произнёс партийный классик и напомнил, как на писательском собрании он ставил Ушакова в пример.

– Николай Николаевич говорил мне, – откликнулась я, – что свои эстетические взгляды Симон Ушаков излагал в сочинении «Слово к люботщательному иконному писанию». А в Киевском музее русского искус-

ства берегаются его шедевры. Да и знаменитый педагог Ушинский, о котором рассказывал Николай Николаевич, похоронен в Киеве, а сам ушаковский предок Симон – Черниговский, с Украины.

– Да, – согласился Фёдоров, вернувшийся к педагогической теме, – Ушинский является основоположником российской народной школы; он считал труд основой воспитания, ставил целью педагогики формирование в человеке чувства единства со своим кровным народом, чувство ответственности за судьбу народа... Советская литература приняла на вооружение эти правила Ушинского, в Литературном институте как раз все это проповедуется. Много хорошего преподают в вашем институте, я с удовольствием вспоминаю однокашников. Иных уж нет, а те далеке... А в Литинституте я подружился с писателями Владимиром Солоухиным, Игорем Кобзевым. Сильная была братская компания у нас. Да и поныне остаётся. Догоните ли вы нас, молодёжь?

– Догоним! – убеждённо под воздействием коньяка ответил сияющий Гаврилов. Его физиономия излучала детскую радость от знакомства.

– Это как сказать... – усомнился партийный классик. – Цыплят по осени считают! А ещё сами рассудите... Вот, к примеру, взять оркестр народных инструментов: кто-то на балалайке играет, кто-то на ведре! Слыхали? На ведре вместо барабана. А кто-то самый прыткий – так на гофрированной доске стиральной! Вроде чепуха полная: что за музыкальные инструменты – ведро да стиральная доска? Ан нет, не чепуха! В народном оркестре всё сгодится. Вот и вашей компании эдак следует. Так что играйте, братцы!.. Желаю успехов.

Василий Фёдоров горделиво удалился.

<...>

Однажды в честь праздника 8 Марта меня направили на выступление в Высшей партийной школе вместе с Василием Фёдоровым и Александром Гавриловым. Конечно, Василий Дмитриевич был неотразим: он читал стихи о восторге перед женщинами, поправляя свою пышную шевелюру, спадавшую набок, и партийные идеологи уже были согласны носить лауреата на руках. Александр Гаврилов читал любовную лирику, и молоденькие идеологини утирали слёзы от поэтических вздыханий. Я прочитала одно-единственное стихотворение, написанное о моей самоотверженной и бескорыстной любви к матери, написанное затем, чтобы вызвать у неё ответное чувство расположения к своей единственной дочери, но матери оно категорически не понравилось. Это стихотворение восхищало Василия и Ларису Фёдоровых, Александра Гаврилова и Олега Дмитриева, составлявшего много лет спустя коллективный сборник «День поэзии». Составитель встретил меня и как эксперт заявил: «Из двух тысяч стихотворений, опубликованных в альманахе, твоё – самое лучшее. Рад за тебя». Впрочем, вот это стихотворение:

МАТЬ У ЗЕРКАЛА

*У зеркала остановилась Мать:
Лицо без возраста, косящее глазами,
И зеркало в резной старинной раме
Пред ликом Матери почло за честь стоять.
Взяла она с трюмо бутон цветка –
И он раскрылся, вспыхнул синей астрой,
Вполоборота стала – и пространства
Прихлынула бессмертная река.
У зеркала остановилась Мать.
Запахла осень майскою листвою.
...Куда ж берёшь её ты,
Время злое?
Она всегда вот так должна стоять!*

Это стихотворение, сокрушавшееся о неизбежно предстоящем уходе матери из жизни на земле (время забирает у нас самое дорогое), нравилось всегда всем, кроме моей родной матери: она считала данное 12-стишие грубым, лишённым изящества и таланта. А Лариса Фёдоровна, супруга Василия Фёдорова, однажды послушав, тихо молвила: «Как бы я хотела иметь дочь, которая посвятила бы мне такие стихи!»

<...>

Тогда, на выступлении в Высшей партийной школе вместе с Фёдоровым и Гавриловым, это единственное прочитанное мною стихотворение, завершавшее торжественную часть праздника, вызвало шквал аплодисментов, потому что каждая партийная дама здесь была матерью, и материнские сердца почувствовали то, что стояло за моими по-ушаковски сдержанными, как будто даже строгими мазками. И Василий Дмитриевич, и Саша поздравили меня с творческой удачей – с написанием таких стихов о матери, поскольку на самом деле стихов о матери миллионы, но это выделяется, на их взгляд, классической ухаковской манерой письма – в этом 12-стишии профессионалы обнаруживали прямое следование академической традиции.

Мы вышли на улицу, и Василий Фёдоров отпустил шофёра, который должен был в чёрной «Волге» развозить нас по домам. Мартовские сумерки поражали перламутрово-лиловым свечением небосвода над Москвой. Я несла жёлтые мимозы, на которые сыпался крупный снег. Мы решили немного прогуляться после напряжённого выступления и фуршета. Уже не помню, как зашёл разговор у нас о роли личности в истории, но сказанное Василием Дмитриевичем запомнилось: «Великий Человек меняет людское сознание, а уже затем через людское множество эта выдающаяся личность меняет мировое сознание. Как расходятся круги по воде. Ну, а прежде всего Великий Человек воздействует на судьбу своей нации».

– На судьбу нации? – остановился Гаврилов на заснеженном тротуаре, и мы уставились на него. – Поэт Владимир Соловьёв под конец жизни учил еврейский

язык, чтобы молиться Богу по-еврейски, – и это воздействовало на судьбу русской нации? – вперился в Фёдорова недоумевающий Гаврилов.

– И это, вероятно, тоже, – поразмыслил советский классик, – Великую Октябрьскую социалистическую революцию осуществили евреи с русского согласия. Ведь мы никак не защитили монарха Николая Второго с монаршим семейством и даже с поваром от ликвидации. Вот каковы мы – великороссы! Надо полагать, еврейская молитва Владимира Соловьёва произвела какое-то мистическое воздействие на уши Бога, – ухмыльнулся Фёдоров, и стало понятно, что Василий Дмитриевич и сам сомневается в правильности собственной версии, да и по сию пору нет единого и правильного ответа на этот исторический вопрос.

<...>

– У нас в деревне Марьевка, что под Кемеровом, – произнесла писательница Фёдорова, – неожиданно поселились белки на чердаке дома, целое семейство взялось откуда-то, никто их не разводил. Как под утро рассветает, так и слышим, что по потолку, словно вихри, носятся. Потом белки уж до того обнаглели, что пиво начали лакать из стаканов: Василь Дмитрич пригласил как-то дровосеков дровишек нарубить, вынес на двор стаканы, разлил пиво – дескать, пускай пена осядет. Глядь, а наши чердачные белки уже пиво лакают, будто для них налили. В общем, запустили kota на чердак – едва изгнали непрошенных гостей...

А в молодости мы с Василием Дмитричем попробовали попутешествовать по горным рекам в Красноярском крае на лодке со сплавом. Опытные сплавщики решили прокатить нас по хорошо изученной ими порожистой реке. Мало кто знает, что весной в малые сибирийские речушки приплывает нереститься крупная лососёвая рыба – таймень. А уж до чего прыгуч этот таймень, видели бы вы! Способен перепрыгнуть не только рогатую корягу, камень, но и вообще любое препятствие на пути к нересту, – выпрыгивает чуть ли не на метр в высоту да и весит (как бы не соврать?) – ну, не знаю сколько! Может, даже и все полпуда. Громадина! В общем, плывём мы вслед за лесосплавом со своими рафтерами, видим, как мокрые брёвна выныривают из воды вроде тайменя, мы с Василием Дмитричем разомлели от блаженства. Как вдруг целый косяк нерестящейся лососёвой рыбы начал перепрыгивать прямо через наши головы – можно ли было ожидать такого?! Главный рафтер скомандовал: «Вёсла к бою!» И гребцы начали отбивать тайменей, летевших через наши головы, глушили, спасаясь от случайных столкновений с нерестящейся рыбой. Но всё-таки один раз Василия Дмитрича контузило налетевшим лососем – промахнулся гребец, и рыба проскользила прямо по макушке моего мужа. Бой с тайменем длился несколько минут, но вообразить себе, что такое может быть, до этого случая мы не могли. Ну, сошли на

берег передохнуть, видим, у гребцов руки трясутся от напряжения, у Василия Дмитрича голова трещит. Как лечиться в суровых сибирских условиях? Известное дело – водочкой. Это потом Василь Дмитрич стал водкой брезговать, на коньяк перешёл: когда получил лауреатство, знаменитым советским поэтом стал...

<...>

Однажды Лариса Фёдорова привела меня из Центрального дома литераторов к себе домой для того, чтобы одарить дамскими побрякушками, платьями и курточками, которых по бедности своей никак не могла я себе справиться, а ей они успели надоесть. Лариса Фёдоровна уже была знакома с моей матерью, никогда не интересовавшейся моим самочувствием, поскольку мать была целиком поглощена своей великосветской жизнью на Украине, а Россия терпеть не могла по причине исторической польской неприязни к великороссам. Фёдорова каким-то женским чутьём учуяла моё сиротство; да и знакомство с моей матерью, чаевничавшей с супругами Фёдоровыми на Кутузовском проспекте, обескуражило семейство Ларисы и Василия. Так их возмутил отказ моей матери-польки от природной обязанности заботиться о своей единственной дочери, к сожалению, удавшейся в русскую породу. Я не знаю, как Фёдоровы догадались о том, что моя мать считала проклятием судьбы свою принудительную обязанность вырастить родную дочь для России, но с момента знакомства с моей матерью Фёдоровы окрылили меня собственной любовью – такой, которой никогда не ощущала я в родительской семье. Когда я вновь очутилась в квартире Фёдоровых после проводов матери, Василий Дмитриевич вышел посидеть с дамами и рассказал удивительную историю про ездовую собаку-лайку. Так, в 30-е годы минувшего столетия по Северному морскому пути плыл пароход «Челюскин» и затонул во льдах. Корабельный экипаж с членами своих семей высадили на льдине и стал ожидать вывоза на материк посредством авиации. Но требовалось упростить проблему вывоза, поэтому хочешь не хочешь, а как минимум 500 километров было необходимо пройти ближе к материку по заснеженным льдам на собачьих упряжках. Еда кончалась, собаки тоже начали голодать. А тут ещё неприятность: на корабле «Челюскин» успела родиться девочка да не просто прибавила в той вечной мерзлоте хлопот, а вдруг пропала! Как пропала? Куда пропала? Горе! Оказывается, молодая мамаша уснула во время езды на собаках: ведь там что за пейзаж? Снег, торосы, мутный горизонт и больше нигде ничего... Уснула да и выронила младенца экспедиторша. Что делать? Тьма, пурга сбивает людей с ног, следы человеческие тут же снегом заносит – никак нельзя искать пропажу! Невозможно! Выходит, придётся смириться с гибелью ребёнка. Мамаша воеет, пурга воеет, голод охватывает всех членов экспедиции – до младенца ли тут?! Пришлось съесть

первую ездовую собаку. Съели. Ещё собаки остались – дальше поехали. Вдруг обнаружилось, что одна старая собака, предназначенная на завтрашний обед, пропала. Никто не поймёт, как этот пёс-коренник отвязался? Но пурга сбивает людей с ног, тьма гнетёт, мамаша воеет, до пропажи ли коренной собаки?.. Расставили палатки, уснули, отдыхают экспедиторы до утра. Как тут под утро вбегают в палатку к несчастной мамаше тот самый отвязавшийся пёс-коренник с узелком в зубах и кладёт ей на грудь поклажу. А та поклажа пищит да вякает! Оказывается, лайка та бывала щенной, и в ней сработал материнский инстинкт, что надо опекать малютку. Собака заметила, как малютка пропала, и сорвалась с упряжи за тем, чтобы отыскать малютку, которую весь путь везла! «Вот что такое природный инстинкт, – подытожил Василий Дмитриевич, – вообще у животных есть какой-то своеобразный ум: я в детстве любил наблюдать за повадками разных тварей. Например, интересно поведение домашней птицы. Гляжу в детстве как-то раз: пасутся куры у дороги вблизи двух дворов. И в одной куриной стае петух есть, и в другой, белый и чёрный. Присматриваюсь, чёрный петух распластался на земле и по-пластунски ползёт к чужим курочкам, от куста до куста перебегает, чтобы паче чаяния не стать бы замеченным белым петухом. Удалось! Подскочил к чужой хохлатке да как принялся топтать её! Белый петух остолбенел от наглости чужака, потом опомнился и вступил в бой с ловеласом. Тогда ещё отец жив был, хотя уже началась Гражданская война».

– И кто же победил? – любопытствовала Лариса Фёдоровна.

– Чёрный! – ответил Василий Дмитриевич. – А роносец проиграл!.. Есть, есть ум у животных! Да и повадки у них забавные. Помню, в детстве (опять-таки) принёс мне дядя махонькую «живую» рукавицу, положил на пол – шевелится рукавица. Что за чудо? Оказывается, охотился дядька мой в лесу да и нашёл дикого кабанчика, едва народившегося. Что с малюткой делать, как спасти? Подложили его к щенной суке, та выкормила приёмыша, и стал наш дикий кабан домашним – с собаками вместе повсюду бегал, сторожевые повадки от собак перенял, только лаять не умел!

Василий Фёдоров потешил нас житейским балагурством, осведомился, как идут мои дела, похлопал меня по плечу и удалился. Так происходило всякий раз при моём появлении. Их кемеровская землячка Тамара Пономарёва даже ревновала супругов Фёдоровых ко мне. Вот и на этот раз дома оказался Василий Фёдоров, изволивший посидеть немного с дамами за чаем.

<...>

Василий Дмитриевич поведал тогда (это было самое начало 80-х годов минувшего столетия), как в юности пытался поступить в железнодорожный техникум, но медкомиссия забраковала из-за сердечного недомогания. Он и лётчиком мечтал стать, но только и

того, что восемь лет работал технологом на авиационном заводе. А затаённую любовь к авиации проявлял где-нибудь в поле – разбегался и вальсировал: тренировал вестибулярный аппарат. Был случай смешной в юности: смастерил табуретку на подшипниках, чтобы можно было разогнаться на ней, как на самокате, и вертеться, подобно тому, как вращается пилот в мёртвой петле. Но пацаны «свистнули» табуретку-самокат, только и видел своё изобретение.

<...>

Дружеская беседа перекинулась на знаменитостей: «Сталина спрашивали: когда война кончится? Сталин отвечал: «Когда диктор Левитан скажет». В конце посиделок (дело было к ночи) писательница Фёдорова вспомнила, как в Крыму пригласили её с Василием Дмитриевичем заночевать в море на маяке, поскольку ходили слухи, что на морских маяках происходят всякие удивительные события, и поэт Василий Фёдоров загорелся желанием узнать, так ли это? Смотритель маяка, отставной матрос, получил выпивку и закуску, попировал с писательским семейством да и удалился в дальний закуток на маяке всхрапнуть. А молодая пара Фёдоровых радуется экзотике, за морем наблюдает. Как вдруг раздался стук в дверь наблюдательного пункта. Василий Дмитриевич отворил и увидел перед собой писателя N, умершего в возрасте 52 лет от инфаркта несколько лет тому назад. Лариса не знала о том абсолютно ничего и очень удивилась, как могла ещё одного писателя принести нелёгкая ночью на маяк? Оставалось у Фёдоровых ещё немного коньяка и абрикосов, Василий угостил гостя и повёл расспросы на профессиональные темы: зачем гость взялся писать диссидентский роман да ещё и в редакцию снёс, а там начался шум, и довели товарища до инфаркта? Лариса сидела в стороне, выражая недовольство позднему визитёру, о котором до той поры ничего знать не могла. Мужчины выпивали, кушали абрикосы и складывали косточки каждый подле себя. Наконец гость стал прощаться на рассвете, задел рукавом пиджака порожний стакан, смахнул на пол, тот разбился вдребезги. Лариса молча собрала осколки на газету (веника на маяке она не сыскала), заперла дверь за удалившимся гостем и только теперь заметила, что Василий вне себя.

– Что с тобой, Вася? – встревожилась супруга.

– Только не пугайся, Лара, – отстранил её муж, – гость-то мой явился из загробного мира...

Фёдоровы пробудили сторожа, он сгрёб в совок две горки абрикосовых косточек да посадил перепуганных супругов в лодку и доставил на берег, не дожидаясь восхода солнца.

<...>

Распахнулась дверь мастерской, и на её пороге чудесным воскресным днём вырисовалась сутуловатая фигура пожилого мужчины в щегольском костю-

ме, которую без очков поначалу я не разглядела. Знакомый голос клиента изложил Захару ту же самую просьбу насчёт смесителя, что и мы с отцом.

– Димитрич! – почтительно обратился к гостю Захар, – прошу пожаловать к столу на наш братский пир по случаю выходного дня.

– Это с удовольствием, – крикнул из прихожей новый заказчик, вошёл, сел напротив меня и осклабился: узнал меня.

Гостем коммунистической коммуналки оказался не кто иной, как народный поэт Василий Фёдоров собственной персоной. Василий Дмитриевич любил вспоминать себя молодым в простецких компаниях, как и мой отец, а потому ничуть не побрезговал компанией работяг.

Я познакомила Василия Фёдорова с отцом – тоже Василием. Выяснилось, что отец был моложе поэта на шесть лет и воевал; а тот был старше, но не воевал из-за того, что родился последним ребёнком в семье сразу после Октябрьской Социалистической революции, когда наступил голод, поэтому с рождения был тщедушным и лишён солдатского здоровья. Василий Фёдоров поведал моему отцу-киевлянину про то, что бабка его по материнской линии была православной ревнительницей: пешком хаживала в Киево-Печерскую лавру аж из Сибири! А бабка-староверка по отцовской линии обладала ясновидением: напорочила сибирякам крушение монархии, революцию 1917 года, авиопланы, которые мерещились бабке в образе хищных птиц с железными клювами, – опасных птиц, способных истреблять людей. Ясновидица-бабка происходила из раскольников и презирала ортодоксальную формалистическую церковь и поповство... Ну, а богомолка Мария, бабка православная, воистину была блаженной: уходила она на поклонение святыням Киево-Печерской Лавры весной – как только просыхали земляные дороги, шла пешком, иной раз какая-нибудь подвода остановится, хозяин лошадей спросит: куда, мол, путь держишь, милая? Лишь узнают, что в Киев на богомолье, то и на подводу сажают, и накормят пирогами да яйцами, а ещё и с собой дадут снеди с просьбой: «Помолись, Мария, и о нас, грешных!» Так с помощью добрых людей Мария добиралась в Киево-Печерскую лавру к осени, зимовала в Киеве, весной в обратный путь трогалась. А уж в Сибири новый урожай крестьяне собирали. Да после Мария отыскала в Киеве брата Ивана, отданного на служение ещё в детстве в богатую панскую семью. Дважды Мария побывала в Киеве. Звали все её бабкой, хотя на самом деле Мария приходилась прабабкой Василию Фёдорову. Вспоминая Сибирь, поэт излучал доброту и сердечную ласку:

– Зимние вечера, помню, – произнёс поэт, – длинные у нас в Сибири были, вот молодёжь и забавлялась кто во что горазд. Керосиновая лампа коптит, в печи потрескивают дрова, бабушка с вязанием сидит среди

внуков на тех наших святочных гаданиях. Пахнет гороховой кашей. Тихо, слышен стук ходиков, говорим шёпотом, потому что на святки все мы судьбу угадывать будем. На меня (самого маленького) нацепили самодельную маску из папье-маше: я назначен быть на вечеринке ряженым, дали «коня» – палочку, на которой я должен гарцевать вокруг гадального стола. На столе плошка с водой, хлеб, кольца: медные и серебряные, золотых не было ни у кого. Сестра вносит петуха, взятого с насеста: петух полудремлет, никак не может очнуться до конца. Это-то именно и нужно! В таком трансовом состоянии петуха водружают на стол и загадывают судьбу. Петух клюнул серебро – жених попадётся богатый. Другая невеста загадала на результат петушиного гаданья – а этот подлец воду стал пить: значит, жених будет пьяницей! Третьей невесте петух нагадал бедного жениха – медное колечко клюнул!.. Таковы были у нас Святки... Помню, как сестра прибежала с девичьих посиделок, кажется, в избе все спят, темно, только луна освещает горницу. А я не спал – сестру дожидался! Наблюдаю за ней потихоньку, незаметно для неё. Вижу, добывает из шкафчика сестра свечу, зажигает, садится перед зеркалом и вглядывается в него. Как вдруг гиря наших старых часов-ходиков ни с того ни с сего срывается с цепи да падает на пол! Вот уж страху мы оба натерпелись! Значит, нечистая сила всё-таки присутствует при гаданиях. Так нам в детстве казалось. А уж какие красавицы-девушки наши да молодаяки в церковь на богослужение ходили! Всегда наряжались в праздничные одежды, словно жар-птицы!.. Детство-то моё пришлось на Гражданскую войну и голод, трудно просто выжить было, но зато среди каких задушевных русских людей жил я, среди какой раздольной русской природы родился и рос я! Особенно люблю озеро Кайдор.

– Димитрич, – тронул Захар поэта за рукав, – очень просим, прочитайте стихотворение про озеро Кайдор! Мы тут все читать-то его читали, да в исполнении автора послушать хотим, нам все завидовать станут!

– Неловко, братцы, я ж не на сцене, – начал было народный поэт отговариваться. – Я же пришёл не для выступлений да и на минутку!

– А что Коммунистическая партия Советского Союза предписывает писателям – борцам идеологического фронта? – подкузьмил мой отец своего тёзку со знанием дела и скомандовал братии налить тому чарку.

Компания выпила, и народному поэту не оставалось ничего другого, как выполнить предписание родной партии, то есть удовлетворить духовные потребности рабочего люда.

*Мне память горше, чем родни укор.
В моей деревне, что стоит высоко,
Есть озеро по имени Кайдор,
Всё в звёздах лилий и в кудрях осоки.*

.....

*И мы вдвоём: лишь озеро да я –
Душа моя да сонных вод разливность,
И, ничего на сердце не тая,
Снимаю всё: одежду и стыдливость.
Шепчу воде: «Как в детстве, обними,
Дай чистой ласки маленькую малость!
Сними печаль, сними с меня усталость
И тяжесть лет добавленных сними!»*

<...>

Василий Фёдоров окинул моего отца – тоже Василия – оценивающим взглядом, и я, ревностно следившая за сценой их знакомства, удовлетворённо заметила, что мужественная осанка отца, выразившая отцовскую социальную значимость и чувство собственного достоинства, приятно поразили советского классика. Отец защитил в молодости кандидатскую диссертацию по горному делу, занимал высокий пост в Совете Министров Украины, воспитал сына – художника-реставратора и дочь-идеолога, сам являлся мужем писательницы – украинского классика, а потому с полным пониманием ситуации заговорил о том, что даже Александр Твардовский назвал своего лучшего поэтического персонажа именем Василий.

– Да, – расплылся в улыбке Фёдоров, – Василий Тёркин – это солдат, символизирующий всю советскую армию, армию победителей!

– Мы тогда назывались Красной армией, – уточнил отец. – Я начал войну в Лисичанской стрелковой дивизии, хотя имел бронь и мог бы обойтись без отправки на фронт. Мне исполнилось лишь семнадцать лет в момент начала войны, я работал на восстановлении взорванных немецкими оккупантами промышленных объектов, бронь имел, да стыдно было комсомольцу оставаться в стороне, записался добровольцем и ушёл на фронт. Пол-Европы прошагал с рацией. Радиостом был.

– Я тоже бронь имел: но не воевал, а работал в тылу по самолётному делу. Ведь в войну кто-то должен был самолёты для фронта собирать! Вообще, прямо говоря, меня забрала медкомиссия, потому и работал в тылу.

<...>

– Редкий вы человек, Василий Михайлович, – выпил Фёдоров винца, которое я ему придвинула, – обычно людям нравится побазарить-побрехать между собой, душу отвести. Тем более что в быту нам всем не хватает сердечности и дружелюбия. Пришлось мне выступать на одной кемеровской шахте, и там я узнал, что шахтный парторг, комиссар то есть, который главней директора на самом деле, оказался на той шахте лютее злого пса. Скинулась братва по трёшнику да купила в подарок тому парторгу большущий аквариум с золотыми рыбками в парткабинет.

– Зачем партийному кабинету аквариум? – сдвинул брови отец и наморщил лоб в недоумении.

– Вот и парторг не понял, но рабочие уговорили да и водрузили аквариум на окно. Тот парторг распекает безыдейных шахтёров за пьянство, за баб и за моральную неустойчивость, яростно кипит, а потом нет-нет да и переведёт взгляд на рыбок, те рыбки красно-пёрые успокаивали его. Казалось, что вода в аквариуме от его гнева закипает. В общем, через пару недель передохли золотые рыбки в партийном аквариуме от партийной лютости все как одна, – закончил свой рассказ советский классик.

– Я всегда замечал, – произнёс Захар, – что евреи умны, практичны, семейственны. Нету пьяниц среди них. Нам бы, русским дуракам, ихний опыт перенять!.. Чистил тут недавно я унитаза в одной еврейской квартире, хозяин и рассказал мне про одного своего соплеменника. Повёл будто бы старый мудрый еврей внука лет пятнадцати на пляж, оба рассматривают девушек. Старый мудрый еврей и спрашивает внука: «Нравится ли тебе блондинка с пышными грудями? Или брюнетка с круглой задницей?» Пятнадцатилетний внучок глазёнки тарачит: «О, да, дедушка!» А дедушка и поучает своего еврейского наследника, преподносит внуку урок живучести: «Тогда запомни – чтобы обладать счастьем, необходимо уметь. А чтобы обрести уметь – надо хорошо учиться, быть достойным своего счастья!»

– Раньше великороссы понимали, что интеллигенция представляет собою мозг нации, дураками не были. Другое дело, что русская интеллигенция запуталась в политике. Ну так ведь в жизни всякое случается... – сказал Фёдоров.

– Мы с вами, Василь Дмитрич, – улыбнулся мой отец характерной ободряющей улыбкой Фёдорову, – принадлежим уже не к великорусской, а к советской интеллигенции первого поколения, но ведь и мы, как говорится, не лыком шиты! Мы тоже способны на подвиги, на самоотверженное служение родному народу и Отечеству.

– Обидно слышать порой, – вздохнул Фёдоров, – что мы – общественная прослойка. Нет, интеллигенция – это класс образованных людей, без которых у народной толпы нет интеллекта. Народ без интеллигенции становится безмозглым, просто безумной толпой, шальным.

– Согласен, – кивнул отец, обладавший строгим математическим умом аналитика. – Интеллигенция – это мозговитый класс лучших представителей нации.

– Мой брат, – нерешительно пробормотал Василий Фёдоров, – являлся при Сталине начальником политотдела Урало-Рязанской дороги. Что-то тамстряслось с какими-то цистернами, вызвали брата на ковёр в Москву в Кремль да к самому Лазарю Кагановичу. Ну уж распекал тот Андрея – распекал... Был бы человек, как тогда говорили, а вина для него найдётся!.. Расстреляли Андрея в тридцать шесть лет ни за что...

– Эх, – ухмыльнулся отец, – где наша ни пропадала?! Выхожу я однажды, Василий Дмитрич, во двор за своей дочерью, – вот этой самой – а там дети дерутся из-за черепахи. Так что бы вы думали, зачем детям понадобилась живая черепаха? Оказывается, они живой черепахой орехи кололи!.. Вот так и Сталин с нами общался...

– Что может быть отвратительнее? – набычился захмелевший классик.

– Ну, это вы слишком! – осклабился Захар. – Откусить яблоко и обнаружить там всего-навсего половину червяка – вот что может быть отвратительнее, хуже некуда!

– Как же некуда?! – возразил поэт. – Была у меня в ранней юности глупая страсть к одной девчонке, жениться я захотел было на ней. Ну, пригласила нас родня на смотрины, невесту позвали, чай пьём, как полагалось. И вдруг стул под нею проваливается, то есть само сиденье почему-то вниз обрывается, и невеста моя застревает в обводном кольце из-под круглого венского стула сверху тормашками. Такая толстуха была, что стул её не выдержал. До чего ж позорно «окорока» невестины торчали из разломанного стула! Ну, сами понимаете, что свадьба не состоялась... Оно и к лучшему! Я женился на другой, на худенькой.

– Э, – пробормотал захмелевший отец, – женитьба – дело фатальное. Но если у человека денег нет, то и жениться ему не грозит, и женщины ему не страшны.

<...>

Народный поэт Фёдоров:

– Знавал я бабу Анну Акимовну из деревни Смеловки Саратовской области – так эта старушенция первой встретила Юрия Гагарина, у себя в огороде, когда тот приземлился. Поскольку до Гагарина человек в космос никогда ещё не летал, то вовсе не удивительно, что система мягкой парашютной посадки ещё не была отлажена. Поэтому Юрий Алексеевич безо всякой катапульты по-каскадёрски выбросился с парашютом перед приземлением из раскалённого спускаемого аппарата. Никто в шестьдесят первом году ещё не мог предугадать и место приземления. И оказалась этим местом Саратовская область. Короче говоря, космонавт совершил рискованный подвиг опасного приземления и оказался в огороде бабки Анны. Та как раз удобрять клубнику вздумала, хоть дело было совсем ранней весной – в апреле. Глядь, словно с Луны свалился на землю какой-то неземной человек в оранжевом комбинезоне да прямо на клубнику! В шлеме – так на планете Земля люди не ходят.

– Ты откуда взялся, милоч? – заверещала бабка. Тут внучка на голос выскочила из хаты.

– С неба свалился! – привычно отрапортовал Гагарин. – Из космоса! Водички дай, бабуля!

Внучка принесла ковшик воды из колодца, напоил загадочного гостя – слава богу, что хоть не шпион

оказался! Парашютные стропы первый космонавт мира отцепил, скафандр снял и остался в шерстяном физкультурном костюме. Бабка отвела небесного «пришельца» в избу, навалила полную миску картофельных вареников, внучка сдобрила кушанье сметаной, и Гагарин начал подкрепляться, допытываясь, как добраться из деревни до райцентра? Только «пришелец» лёг на лавку отдышаться от путешествия по небу, как поисково-спасательная экспедиция приспела за ним...

<...>

Василий Фёдоров:

– Дураков никто не сеет, они сами рождаются наподобие сорных растений... Однажды Владимир Маяковский выступал в Политехническом институте с обязательной в СССР пропагандой интернационализма и провозгласил, что среди русских чувствует себя русским, среди грузин – грузином. А какой-то озорник гаркнул ему из зала: «А кем чувствуешь себя, товарищ поэт, среди дураков?» Маяковский не растерялся: «А среди дураков я впервые...» Так-то... Но дураки как сорняки... Вот у нас в Кемеровской области дурацкий случай прогремел... Держали старые родители поросянку в деревне, откармливали кабанчика под праздник Великой Октябрьской социалистической революции, а дочка у них в Кемерове жила с мужем и в аккурат 7 ноября разродилась, а потому на Октябрьские праздники не приехала. Старые родители не знали ничего, ведь телефона у нас в деревне в помине нету, письма зять ещё не написал, опечалились, что зря зарезали кабанчика и телеграфируют из райцентра в Кемерово: «Маша, ждём скорее. Седьмого зарезали». Так к ним участковый милиционер приходил протоколировать, где же все семеро зарезанных?

<...>

– Пришлось мне выступать в одной воинской части на Севере, – продолжал смеяться советский классик Фёдоров, – и там я узнал про других армейских вооруженных... Конечно, парни молодые, всё время есть хочется, а кормят скудно. И солдаты додумались воровать продовольственные припасы прямо со склада. Добыли стамеску, молоток да и выбили один-единственный кирпичик из фундамента – такой, чтобы в щель эту могла бы кошка пролезть. Теперь требовалось добыть кошку: изловили, упрятали в чулан и морили голодом трое суток. Затем изголодавшуюся кошку обвязали верёвкой и пропихнули в щель продовольственного склада. Кошка мёртвой хваткой вцепилась там в колбасу. Тут-то за верёвку и выперли кошку вместе с кольцом колбасы в зубах. Правда, колбаса была покусанная, ну да что тут поделаешь? Обрезали покусанные места, дали кормилице своей на-

жраться и так долго солдаты промышляли, долго добыче радовались...

Я тоже как-то раз в своей писательской жизни решил доставить народу полное удовольствие, порадовать своих поклонников. Получил я государственную премию – деньги громадные, прилетел в Кемерово, выступил на заводе, на фабрике; на шахту, помню, куда-то далеко меня возили. Устал, захотелось отдохнуть и поразвлечься. И пригласил я следующим утречком шахтёров, поднявшихся после ночной смены из забоя, за мой счёт пивка попить. Дело в райцентре было. Подхожу к продавщице бочкового пива, спрашиваю, сколько литров находится у неё в бочке? Квасная бочка, заполненная вместо кваса хмельным напитком, стояла на улице, знаете? Люди с бидончиками подходят к ней, набирают пенного. А я предложил продавщице сходить погулять по базару пару часиков, покамест возле пивной бочки лауреат Госпремии СССР с народом общаться будет, а затем вернуться. Заплатил бабе за всё бочковое пиво, которым с утра была заправлена та цистерна, сгаркал народ и предложил шахтёрам заняться самообслуживанием: заплачено за целую пивную бочку, пей, братва, сколько влезет! Прохожие тоже начали присоединяться к шахтёрскому пиршеству: кто со стеклянной банкой, кто с целлофановым пакетом... Кричат: «Коммунизм наступил!» Тут-то и узнал я от простого народа, что в шахтёрском райцентре за двадцать лет появились достижения: построили одноэтажный клуб – сарайчик на четыре комнаты, сляпали щитосборный роддом на дюжину коек, вытрезвитель, узнал далее, что Коммунистическая партия Советского Союза состоит из глухих и согласных, что патриоты живут бедно и недолго, поскольку так государству выгодно, что правдоборчество нежелательно (правда глаза колет, уши режет), а потому наказуемо, и что хорошие люди нужны для того, чтобы плохим лучше жилось... Тут я не утерпел, правда, и спросил одного моего поклонника у той пивной цистерны: «А всё-таки... А всё-таки почему, братан, ты так говоришь?» Знаете, что шахтёр мне ответил? «Я ведь не проктолог, ни в чью душу не заглядываю. Не знаю, следовательно, ничего сверх обычного. Да и сам по себе человек я не злопамятный: отомщу обидчику и забуду, живу просто – как все...»

Продавщица вернулась, когда цистерна опустела, народ разошёлся. Взял я такси да и поехал к своему старинному другу. Еду-еду и соображаю: умный человек любит подурочиться в той же мере, в какой дурак любит поумничать. Погулял – и будя! Отпраздновал я своё лауреатство с простым народом и слава богу! А иначе зачем народным поэтом слыть?!

Июнь 1985 года, Ирпень – июнь 2011 года, Москва